

КАТАСТРОФА И ГЕРОИЗМ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПЕСНИ ПЛАЧА

ПСАЛОМ LXXXIII

1. Песнь. Псалом Асафа.
2. Боже! Не молчи, не безмолствуй, не оставайся в покое, Боже!
3. Ибо вот, враги Твои восшумели, и ненавистники Твои подняли голо ву.
4. Против народа Твоего замышляют /недоброе/ и держат совет против хранимых Тобою.
5. Говорят: «Пойдем, истребим их из народов, и не вспомнется более имя Израиля!»
6. Сговорились единодушно, против Тебя заключили союз.
7. Шатры Эдома, измаильтяне, Моав и агаряне,
8. Гевал и Амон, и Амалек, филистимляне с жителями Цора,
9. И Ашур соединился с ними, стали они мышцею для сынов Лота. —
Сэла. —
10. С ними Ты поступи, как с Мидьяном, с Сисрой, с Явином у потока Кишон,
11. Истреблены в Эйн-Доре, стали наземом для почвы.
12. Поступи с вельможами их, как с Оревом и Зеевом; как с Зевахом и Цалмуной — со всеми князьями их,
13. Которые говорили: «Завладеем селениями Божиими».
14. Боже мой! Обрати их в пыль, в былинку пред ветром!
15. Как огонь истребляет лес, и как пламя опаляет горы,
16. Так прогони их бурей Твоею и ураганом Твоим приведи их в смятение.
17. Наполни их лица позором, и станут они искать имя Твое, Господи!
18. Да будут пристыжены и в смятении во веки веков, посрамлены и погибнут.
19. И пусть знают, что Ты, Которому имя Господь, Ты один — Всевышний над всею землею.

«ДЕСЯТЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКОВ»

(из молитвы «Мусаф» для Судного дня)

Когда вспоминаю о них, изнывает душа моя. Пожирали нас нечестивые, как огонь лепешку неперевернутую. И во дни тирана (императора Адриана) не избежали горькой участи десять великомучеников. Изучая Писание из уст законоведов, вникая в смысл и исследуя, он однажды коварно задумался над стихом в начале раздела «Законы»: «И кто украдет человека и продаст его, или найден тот в руках его, — подлежит смерти». В надменности своей велел он наполнить покой свой сандалиями и призвал к себе десять великих мудрецов, ведавших закон, толкователей. (Сказал им:) «Изыясните закон сей, не извращайте его лжетолкованием, а представьте его в свете истины. Что если найден будет человек, похитивший душу из среды братьев своих, сынов Израилевых, поработивший и продавший ее?» И когда те ответили, что смерти подлежит похититель, он продолжал: «Как же отцы ваши, продавшие брата своего каравану измаильтян, отдавшие его за пару сандалий? Примите же вы на себя небесную кару, ибо с дней ваших отцов не было подобных вам мужей. Если бы они были ныне в живых, я бы их осудил перед вами, теперь же вы понесете наказание за отцов ваших. (Сказали они:) «Дай нам срок трехдневный, чтобы нам узнать, суждено ли это свыше; и если мы подлинно виновны, покоримся воле Всемилосердного». В страхе и трепете все обратили взоры свои на рабби Ишмаэля, первосвященника, чтобы он произнес имя Бога и вознесся к Властелину своему, и узнал, исходит ли решение от Бога. Очистил себя рабби Ишмаэль, произнес имя Бога с благоговением и вознесся на небо, и попросил мужа в льняном облачении (Даниэль, 12,6), и тот ответил ему: «Примите на себя, праведники и богоугодные, ибо слышал я из-за занавеса, что это постигнет вас». Спустился он и сообщил товарищам слово Божие. И повелел тиран предать их жестокой казни. Двоих из них вывели прежде, великих мужей Израиля: рабби Ишмаэля, первосвященника, и раббана Шим'она, сына Гамлиэля, князя Израиля. (Рабби Шим'он) умолял, чтобы его обезглавили первым, говоря: «Убей меня прежде, дабы не видеть мне смерти служителя Всевышнего». Повелел тиран бросить жребий, и пал жребий на раббана Шим'она. Тотчас пролили кровь его, как кровь тельца. Когда отсекли его голову, взял ее рабби Ишмаэль и, словно глас трубы, раздался над нею горький вопль его: «О, язык, поучавший ревностно слову Божию, ныне лижет прах!» Как рыдал он над ним в страхе (смертельном)! Дочь тирана остановилась от рыдания рабби Ишмаэля. Красота его пленила сердце ее, и стала она просить отца пощадить его жизнь. Вознегодовал тиран на просьбу ее. Тогда попросила она снять кожу с лица его, и не замедлил он сделать это. Когда же дошло до места возложения тфилин, вскричал он горько к Творцу души своей. И ангелы в небесах горько возопили: «Это ли награда за изучение Торы! Облеченный светом, как ризою! Враг оскверняет великое, грозное имя Твое, срамит и глумится над словом Торы!» Ответило эхо с неба: «Если услышу глас еще, обращу мир в воду, небо и землю — в хаос. Таков приговор Мой. Покоритесь, занимающиеся законоучением Моим.» Так погибли ревнители (слова Божьего), уведенные (на казнь) из синагог, исполненные заслуг и благих деяний, как плод граната косточками. И вывели на казнь рабби Акиву, толковавшего по буквальному и сокровенному смыслу, и рвали тело его гребнями

обуюдоострыми. Повелел (тиран) привести рабби Хананию, сына Терадиона, из жилища его. На связках хвороста жгли тело его. И мокрые хлопья шерсти клали ему на сердце, дабы продлить муки его. Но как только их сняли, он сгорел и свиток Торы при нем. Скорбели святые народа невдовствующего, что кровь их проливают с легкостью. Ради освящения имени обрекали себя на смерть. Так погиб рабби Хуцпит, толкователь. Дрожь объемлет того, кто слышит. Всякое око прольет слезу. Веселие в скорбь обратится при мысли о гибели рабби Эльазара, сына Шамуи. Меня погубили враги и мучители, чрево набили моими сластями, а меня опоили горьким зельем, когда казнили рабби Ханину, сына Хахиная. На нас обрушили беды, заставляя нарушить заповеди. Не желали брать ни дани, ни выкупа, только души преданных слову Божьему. Как рабби Ешевав, книжник. Нас сокрушили, сынов нежной скорбящей. Нам зло причиняли, больше всех царей земли. Избили из нас много, много. Убили и рабби Иеуду, сына Домы. Ты говорил: дом Якова — огонь, а дом Иосефа — пламя. А ныне солома их свет погасила. О Вечно живой, смири их гордыню огнем в день грядущий. Решились они умертвить десять праведников и с ними Иеуду, сына Бавы. Нас это постигло, и повествуя об этом, мы изливаем сокрушенно скорбящее сердце. С выси внемли молению нашему, Господи, Господи, Боже милосердный и благий. Милосердный, воззри с высот на пролитую кровь праведников. Воззри из обители Твоей и сотри пятна (греха). О Боже, Царь, восседающий на престоле милосердия.

РЕЛИГИОЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТАСТРОФЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Иона Бен-Сасон

Невозможно постичь смысл катастрофы европейского еврейства, единственной в своем роде катастрофы в истории всего человечества и в истории вечного народа, даже исходя из понятий и толковании, которые предлагает иудейская мысль для времен страданий и гонений, охватывающих значительную часть еврейской истории. И поэтому возникает необходимость систематизировать мнения различных школ и течений, занимающихся изучением катастрофы.

Трудности сосредоточены в двух областях: можно ли определить значение катастрофы? И главное: какой вывод для бытия вытекает из этого, вывод — теоретический и практический одновременно — для всего человечества, для современного еврейского общества и для каждого в отдельности? Прежде всего обратимся к первому вопросу: значение катастрофы в той мере, в какой дано постичь его. И как продолжение — в определенной степени как заключение из первого — выводы для последующих поколений, не переживших катастрофу.

Мир поступает по обычаю своему

Одно из направлений ответа содержится в тезисе «мир поступает по обычаю своему», в смысле отчуждения истории от непосредственного и явного вторжения Божественного. Согласно мнению этой школы, закон существования человечества в его общественном и историческом бытии (в том числе и Израиля) подобен закону всей действительности и природы: всякая закономерность, все происходящее в его разнообразии — конец действия, чье начало в мудрости Творца, отпечаток которой лежит на всем сущем. В физической действительности, а также в действительности общественной, и исторической мир поступает по обычаю своему, согласно законам, присущим компонентам вселенной, и согласно свободе решения и действия в мире людей. Сторонники этого мнения ссылаются для подтверждения своей правоты на слова благословенной памяти наших мудрецов, приводимые в «*Яд ахазака*» (гл. 12,1) и в «*Море невухим*» (часть 2, гл. 29).

Однако идеи этого направления трудно согласовать с вытекающим из мировоззрения иудаизма. Даже если тем или иным образом можно истолковать и объяснить некоторые источники в соответствии с этим методом, совокупность иудейской концепции все же не присоединяется к такому объяснению.

Согласно мнению сторонников этого направления в мировом пространстве все еще кричит и бьется лишенное объяснения обвинение относительно человеческого в человеке. «Заданный катастрофой вопрос, непосредственно относящийся к человеку, не является вопросом «где был Господь?», а «где был человек?» (Раввин профессор Э.Беркович, «Вера после катастрофы»). «Смысл, который только человек способен создать, — единственное оправдание бессмысленного мира... Это ведет к оправданию самого нацизма» (там же).

Безропотное принятие приговора

Другое, наиболее традиционное, направление в иудаизме видит в катастрофе воздаяние и наказание и, исходя из этого, приходит к оправданию страданий, к безропотному принятию приговора. «Из-за наших грехов обрушилась на нас катастрофа», «Все, что делает с нами Господь, даже если Он карает нас, все к лучшему».

Здесь, несомненно, прав автор книги «Вера после катастрофы», когда он обращается к нам с упреком: «Как осмеливаешься ты оправдывать чужое страдание. Молчи, человек!» «Мы не Иов... мы только брат Иова... если нет ответа, лучше обойтись без него, чем найти успокоение в бесчувственной вере».

Поэтому нет объяснения также и в обвинении, которое бросает великий в Израиле, вопиющий из глубин катастрофы: «А теперь кто примет на себя ответственность за пролитую кровь?.. Ведь все те руководители, удерживавшие народ Израиля от ухода (в страну Израиля)... не смогут сказать: наши руки не пролили эту кровь» (*Эм абаним*, 15). Также и этот вопль — по мере того как он отклоняется от обвинения лидеров и стремится найти объяснение и оправдание катастрофы — содержит в себе нечто от подхода, который выше был представлен как неоправданный.

Нет ответа

Мы подходим к другому направлению в иудаизме — «нет ответа». Катастрофа для верующих находится за пределами постижимого, вне рамок значения и смысла. Один из выдающихся представителей учения о катастрофе сформулировал это по-своему, наглядно, конкретно и ужасающе: «Удивительно... как мир существует после стольких криков... Невинные дети, чистые ангелы, и взрослые, святые Израиля, погибают,.. наполняя мир этими криками. И мир не растекается водами, стоит как стоял».

Согласно другой формулировке, катастрофа — это бедствие, гибель, как конец мира. А для сотворения и конца мира не найти выражения (Э.Визель, «Рассейние Израиля»). Сила этого ответа в его искренности, в отказе от лицемерия и раболепства, с одной стороны, и в отказе от подхода к вере исключительно с точки зрения людей образованных, с другой стороны.

Судьба и предназначение

Имеются также школы, связывающие значение катастрофы со смыслом судьбы еврейства как исключительного явления во вселенной. Итак, мы на пороге рассмотрения вопроса о значении катастрофы для человечества, для современного еврейского общества и для каждого в отдельности.

Наиболее решительным, смелым и глубоким является подход, представляющий смысл существования народа Израиля и его судьбу как исключительное историческое явление. Раввин М.Ш.Акоэн, один из великих представителей поколения, жившего до катастрофы, видит особое положение евреев на протяжении веков, представляющее собой тезис, антитезис и синтез, имеющее цель и предназначение: «Когда еврей... забывает о своем происхождении... оставляет изучение религии,.. и думает, что Берлин — это Иерусалим,.. тогда налетает ветер и буря... чтобы вырвать его с корнем... Таков путь Израиля с той поры, когда он стал изгнанником». «С тех пор как Израиль живет среди народов,.. таков путь Провидения:...успокаиваются они,.. а затем поднимается ветер грозовой,.. разрушает беспощадно... Таким переменам подвержен Израиль... по двум причинам: ради существования истиной религии в ее чистоте и для существования народа». В этой концепции имеется мотивировка и объяснение страданий и бедствий — не грех и кара, а неизбежные потери в иудейском существовании, связанные с иудейско-религиозной миссией народа.

К сторонникам этой концепции принадлежат и те, кто, основываясь на изучении катастрофы, приходит к отрицанию западной культуры и видит в этом значение катастрофы. «И послал вам Господь Амалека с мудростью его,.. и открыли зло его, и извержение сердца его, и зверства его, и тлен мудрости его — ив этом поучение на будущее: во всей мудрости мира нет ни капли добра» (*Эш дат, парашат Зхор*).

Этот взгляд на катастрофу как на неизбежность в ходе миссии выражают также с помощью тайного учения: «Свет Господа не может проявляться во всем только лишь посредством уничтожения сущего... Само зерно (сущего) должно исчезнуть... сгнить в земле — в этом суть смерти и предсмертных мук» (*Эш кодекш*). «И все мучения... теперь... для того, чтобы устранить человеческую мудрость, о ко юрой человек думает, что благодаря ей он познает,.. чтобы мудрость Божественная могла открыться в каждом и во всем мире» (Там же. *парашат Итро*).

Ученый-нееврей, чье мнение совпадает с концепцией, рассматривающей катастрофу в свете еврейской судьбы и предназначения как исторического явления, видит в столкновении нацизма и иудаизма звено в цепи многовековой борьбы за избранность между истинным избранником Бога и тем, кто добивается избранности с помощью физической силы и злодеяний: «Нация,.. сама избирающая себя и делающая себя основой и масштабом для всего, такая нация рано или поздно неизбежно столкнется с народом Господа, истинным избранником... С геологической точки зрения такой попытке суждено завершиться поражением» (К. Барт, «Основы догматики»).

Катастрофа — поворотный момент и веление

Другой ответ, обращенный к будущему, стремится определить смысл и значение катастрофы для последующих поколений. Это ответ, предлагаемый направлением, которое рассматривает нашу жизнь как «постсовременный» период в иудаизме (направление возникло после катастрофы). Вот высказывания представителей этой школы о «постсовременном» периоде: «Среди нас были такие, которым катастрофа казалась новой горой Синай, Синайской горой мрака. И кто знает, какую весть несет она нам... Это направление мысли, к которому принадлежу и я, придает катастрофе мистическое измерение». (Э.Визель). И еще: «Если теперь возникнет новая философия еврейского существования, она обязательно будет основываться на катастрофе и на том, что связано с катастрофой».

Сказанное Эли Визелем выражает переживания и восприятие поколения, пережившего катастрофу и призванного продолжить еврейское существование. Автор другого высказывания, пользуясь языком научного исследования, проводит параллели с общественной и духовной жизнью: «Народ Израиля вовлечен

в кризис, охватывающий период; этот кризис ставит под знак вопроса «религиозность» и «светскость», их развитие во взаимном противоречии в «современном» мире, посредством «постсовременной» принадлежности к еврейству... Голос повелевающий обращается к сынам Израилевым после Аушвица. Этот голос отвергает прежнее разделение на религиозных и нерелигиозных и создает новое разделение на евреев, внимающих голосу и на тех, кто закрывает уши». (А. Пакенгайм. «Мосты между этикой "религиозной" и "нерелигиозной"»). «После Аушвица существование еврейского народа даже ради самого существования... является императивом, выражающим веру... с которой немногие могут соперничать».

Высказывания Визеля и Пакенгайма не носят пока обобщающий, абстрактный характер, постановка вопроса нуждается в более точной формулировке. Из сказанного Эли Визелем неизвестно, что это за новая весть, ожидаемая с Синаем — Аушвица. Что же касается принадлежности к еврейству, как ее понимает А. Пакенгайм, — не объяснено, что является ее содержанием на деле помимо существования и связи с катастрофой.

Другой современный мыслитель, профессор Э. Беркович, в своей книге «Вера после катастрофы» также развивает историософическую теорию: катастрофа, как и всякое разрушение, является не только кризисом, но и духовно-историческим поворотным моментом в иудаизме, который способствует развитию — подобно тому как разрушение Второго Храма привело к развитию и обоснованию устного Учения. Сущность нынешнего переломного момента заключается в том, что народ встречается со своим религиозно-иудейским предназначением. Будущее нации, даже если она не знает о нем, тесно связано с этой миссией.

Даже если согласиться, что «нет ответа» на вопрос о смысле катастрофы, — мы все же должны спрашивать вновь и вновь, изучать ответы, размышлять о том, в чем заключается ее значение для бытия, для человечества, народа и для каждого в отдельности. «У Него (у Бога) нет никакого долга перед тобой... У тебя же есть долг перед самим собой. В чем он заключается? Это вопрос» (Э. Визель, «Врата леса»).

ВЕРУЮЩИЕ ЕВРЕИ И ВОЙНА

Иешая Вольфсберг-Авиад

Судьба народа

Повествование о муках, «Плач Иеремия» наших дней, еще не написано. И кто знает, когда оно будет написано, обретет ли должное воплощение. Трудно предположить, что в более поздний период удастся собрать все сведения и факты, ибо исторический материал неисчерпаем. Но даже достойное выражение нашей скорби и боли не находим мы в произведениях писателей нашего поколения. Чаша слез не вмещает всех слез, пролитых и льющихся еще из глаз народа. И хотя некоторые из израильских поэтов, дав выход своим чувствам и мыслям, написали стихи-оплакивания, новый «Плач Иеремии» еще не создан. Возможно, это знак того, что как море глубока наша трагедия, а муки столь сильны, что художник не в силах освятить это страдание святостью стиха. А, быть может, устали мы, обессилели. Ослабело наше религиозное чувство, и оплакивающий не может вознестись ввысь. Бессильны наши уста.

Судьба народа Израиля в наши дни — часть трагедии всех несущих знамя человечности, всех носителей ценностей, ради которых стоит жить... Но несравнимы беды Израиля с бедами любого другого народа. Гнусные действия поработителя, направленные на другие народы, основаны на желании вселить страх, закабалить, подавить сопротивление. Эти действия связаны с садизмом и кровопролитием, с посягательством на существование государств. Велико желание тирана разрушать и свергать. Но по отношению к большинству народов у него нет неизменной при любых условиях абсолютной тенденции к полному и окончательному истреблению. По отношению же к народу Израиля он занял эту позицию с самого начала своей политической карьеры. Особое место еврейского народа в его книге «Моя борьба» и на всех ступенях устной пропаганды не оставляет тени сомнения в том, что нас рассматривали как отличное от других национальное единство.

Намерением нового Амалека было стереть с лица земли память о нас, чтобы больше не упоминалось имя Израиля. Здесь имеется историческая параллель. Нам заповедано: «Изгладь память Амалека из поднебесной, не забудь». В истории добро и зло облечены в реальную форму и представлены Израилем и Амалеком. У них одно устремление: противник должен прекратить свое существование. Различие в том, что воцарение зла и его господство несет миру гибель, а с победой добра на земле исчезает злодеяние. В борьбе между добром и злом зло отличается чрезмерной агрессивностью, в то время как добру нелегко нападать и разрушать, об этом сказано: «Да исчезнут грехи с земли», «грехи», а не «грешники» (совершающие грех). Зло же, напротив, жаждет уничтожить именно носителей добра.

Отношение Гитлера к народу Израиля указывает на напряженность, царящую в мире идей. Если бы не антагонизм между этикой и системой жестокости, если бы не их конкретное воплощение в жизнь в наши дни, — народ Израиля с одной стороны и нацистская Германия с другой, — могли бы остаться сомнения, почему мир обречен на столь ужасную трагедию.

Острый глаз ненавистника проник глубоко в действительность. Страшное безумие не ошиблось в одном: народ Израиля — представитель принципа вечности, Божественности на земле; миссия нашего народа —

распространение учения о милосердии в облачении Закона и заповедей. Враг понял, что эта миссия возложена на весь народ Израиля со всеми его течениями и слоями, понял всю глубину значения, заключенного в высказывании: самые опустошенные в тебе полны благими деяниями, как плод граната косточками. Он стремился — кроме мирового господства — к осуществлению своего основного намерения: искоренить благородное, возвышенное, этическое, а для этого нет лучшего способа, чем вырвать с корнем древний народ, верующий в единого Бога. Гитлер не философ, не теоретик; он политик, решивший действовать в области человеческой истории. Его война не является войной идей, оружием в которой служат доводы и доказательства. Он борется за перевес в области идей методами силы и войны, а не методами интеллекта. Поэтому он пришел к решению истребить весь наш народ, уничтожить людей, о которых сказано: «Вы Мои свидетели, говорит Господь, и раб Мой». Блаженной памяти наши мудрецы открыли глубокую связь между нашей миссией свидетелей и Богом. Сколь возвышены их слова: «Когда вы мои свидетели, я Бог. А когда вы не свидетели Мои, Я как будто не Бог» (*Сифре*). Ненависть преследователя к Израилю не была бы столь беспощадной, если бы не его враждебное отношение к Творцу и Судье мира.

Муки нашего народа превышают страдания других народов, их источник и их корни скрыты в глубинах бытия. По природе своей они кажутся метафизическими.

Вместе со всем домом Израиля верующие евреи лишились центров диаспоры, территорий, на которых проживала большая часть народа. До восстановления национального дома в Эрец Исраэль и начала воплощения нашей национальной надежды в мире не существовали еврейские центры, равные по своему значению еврейским поселениям в Польше, в странах Прибалтики, на оккупированных немцами территориях России и в некоторых районах Словакии и Румынии. Там находились очаги нашей жизни, действия и творчества. Группы и общины, города и местечки были вместилищем души народа. Несмотря на страдания и потери, несмотря на многочисленные жертвы, вызванные ассимиляцией, национальный быт не терял свою свежесть и жизнеспособность. Искусство и философская мысль приносили плоды.

Верующее еврейство принимало участие в этой жизни, в созидании. Из его лоно вышло большинство творцов. Его соками питались и те, кто покидали его владения.

Говоря о потерях верующего еврейства, следует в первую очередь указать на прямые потери. Были сожжены и разрушены учебные дома, ешивы, синагоги и религиозные школы, уничтожены общественные и личные библиотеки.

Варвары оскверняли и рвали свитки Торы, истребляли ученых и мыслителей. Вместе с миллионами евреев нас покинули великие и возвышенные, каждое дыхание которых было словом Торы, служением Господу. Погруженные в Писание, в толкования великих исследователей, они также вносили новое в учение. Мозг и сердце, мысль и душевный подъем сплетались друг с другом чудесным, удивительным образом. Умолкли их голоса, оборвалась их песня.

Нет больше тех многочисленных благотворительных обществ, которые поддерживали нуждающихся, оказывая им братскую помощь. Жизнь верующего еврейства, как всякая внутренняя жизнь, находила свое выражение в тысячах деталей, проявлялась с большой скромностью, чужда я хвастовству. Именно это служит ярким доказательством ее стойкости и реальности. Прекрасное в этой жизни скрыто от глаз постороннего и открывается медленно, с течением времени.

Много выдающихся личностей ушло из жизни за эти несколько лет: часть из них — естественной смертью, часть — насильственной. Земля приняла преждевременно гениев, великих, чистых, святых, праведных. Они проявляли мужество, героизм, самоотверженность, как и многие наши братья и сестры. Мы оскудели...

Жизнь народа подверглась смертельной опасности. Утраты и потери, понесенные нами, вселяют страх и тревогу в сердце каждого еврея, ведущего им счет.

Судьба верующих

Однако такой подход не позволяет проникнуть в глубь действительности, он является узким, односторонним созерцанием. И даже если мы пытаемся вывести из горького и тяжкого положения заключения не столь ужасающие, следует помнить, что в основе этого воззрения нет холодности сердца и равнодушия к трагедии. Ни на миг не забудем мы ужасов. Не будем относиться к убийству и истреблению как к горю, по поводу которого принимают соболезнования. Нет прощения и нет снисхождения. «Я смою кровь их, которую не смыл еще».

Как отнеслось к обрушившимся на него бедствиям верующее еврейство в странах, оккупированных нацистами? Как приняло их? Трудно дать достоверное описание событий, очевидцами которых мы были, и тем более дать описание событий, о которых мы знаем со слов других людей. Несомненно, что не существует универсальной, всеобъемлющей реакции. Но до нас дошли сведения и слухи, достойные особого внимания.

Не только богобоязненные евреи, но и широкие слои угнетенных проявили героизм, который немногие ожидали от них. Еврейский народ вновь подтвердил свою парадоксальную сущность. При особом стечении обстоятельств у нас обнаруживаются могучие силы. Евреи, часто мягкосердечные, становятся героями в отчаянных положениях. Борьба узников гетто, упорное, но безнадежное, сопротивление увековечивают их имя.

То, что стало известно о подполье и о последних боях в Варшаве, напоминает наиболее величественные главы нашей истории — Бейтар, Мецада. По праву можно сказать, что все это производит впечатление, не поддающееся описанию. У повседневной действительности нет таких красок и линий. События выходят за пределы обычного и привычного, и мы оказываемся в царстве легенды, в которую трудно поверить. Перед нами открывается не «нормальное», не «обычное». Мы понимаем теперь лучше, чем предшествующие поколения, что граница между действительностью и фантазией, между действительностью и легендой не столь определена, как утверждают реалисты-натуралисты. Порою действительность «нарушает» границы, установленные и предписанные ей, а легенда бывает выражением фактов, а не фантазии.

Наши братья — участники героической борьбы не на жизнь, а на смерть. На первый взгляд это явление кажется удивительным и невероятным. Евреи из учебного дома, евреи Торы и заповедей идут в бой, переходят от войны Торы к войне меча, от борьбы умножающей к борьбе уничтожающей. Герои действующие, наносящие удары по врагу, срывающие их преступные планы, и герои пассивные, принимающие на себя страдания, — все вместе они войско освящающих имя Превечного.

Верующие евреи, сыновья верующих, не плакали, а шли на смерть с радостью. В страданиях, выпавших на их долю, в чаше горечи, поднесенной им, они видели признаки приближающегося избавления. Пред ними открылись муки, предшествующие приходу Мессии... «Поэтому я и смеюсь» — слова рабби Акивы, обращенные к его спутникам, которые рыдали при виде опустошенной горы Сион — нашли новое подтверждение и воплощение. Эта сила нации, истекающей кровью, свидетельствует не о величине ее страдания, а говорит об объективном историческом законе, возвещающем о победе добра в мире. Не слабела вера в будущность народа и его идеалов, — она была верой истинной, а не иллюзией. В преодолении страданий пробудилось ожидание избавления. На этот раз не появились лжепророки и предвестники лжемессий. Никто не пророчествовал, не преувеличивал. Наоборот. Можно сказать, что бедно наше время, и провидца нет у него. Нет утешителя, который сказал бы: «Утешьтесь, утешьтесь».

В принятии с радостью страданий и мук, в готовности перенести любую боль проявляется особая доля верующего еврейства на этой ступени исторической трагедии народа Израиля. Героизм — участь всех слоев нашего народа в час заклания, но религиозный взлет и душевный подъем являются особой заслугой верующих евреев, чьи пути устремлены к Богу, чьи стопы направлены к избавлению — национальному и религиозному.

Судьба веры и верующего еврейства

Существует и другая проблематика, не менее важная. Мы задаем вопрос, который зададут и грядущие поколения: чем отличалось поведение верующего еврейства в водовороте века, в испытаниях времени?

Нелегко дать ответ на этот вопрос. Каждый привязан к своему месту, у каждого свой угол зрения, и не дано человеку судить по своему опыту о столь возвышенном и непостижимом. Статистика не поможет нам в будущем, а впечатление будет стираться со временем, переживание не устоит в своей силе. Если и есть надежда проникнуть в суть произошедшего, то ответ должен быть дан сегодня.

Я уже упоминал об одном факте, свидетельствующем о силе религиозного мировоззрения. Многочисленны рассказы о верности евреев Богу и заповедям Торы. Правда, известны также случаи страшного кризиса, но нельзя обвинить тех, кого зверства лишили рассудка и веры в Творца; к тому же подобные случаи не являются определяющими. Неудивительно, что те годы были периодом духовных жертв, и не приводят в доказательство необычные аргументы, взятые из явлений и событий, основанных на слабости человеческой. Чтобы проиллюстрировать период героизма и стойкости, руководствуясь подходом религиозным, следует говорить о личностях необычных, о действиях, выходящих за пределы банального.

Зададим себе вопрос: выстояла ли религия, вера в испытаниях, направленных на ее великих носителей и на способность ее воздействия? В сущности, это один и тот же вопрос.

Наше время отличается от других времен размерами, объемом событий. Мы не знали, что мучения достигнут такой глубины, такой силы. Не верили, что дикость и жестокость рода человеческого вновь одержат победу. Мы полагали, что достижения просвещения, культуры и этики — щит, защищающий от возвращения первобытного варварства и беззакония. Мы ошибались.

И быть может, в этом сила веры в наши дни. Верующий — а, вероятно, и всякий честный человек, стремящийся постичь сущность действительности, человек, для которого раздражение и поспешность не служат путеводной нитью и который не поднимает знамя надменности смертного, желающего быть судьей всему — сознает и признает фатальную ошибку рода человеческого. Как могли мы быть настолько уверенными в устоях культуры и общества? Почему доверие было столь прочным? И разве не легкомыслием согрешили именно верующие, придавая слишком большое значение достижениям науки и политики, конкретным достижениям чистого разума и разума практического? Где был источник веры в жизни и в мысли в последнее время?

Действительно ли ее роль служить короной и украшением для определенных кругов в определенные часы? И была ли наша жизнь проникнута верой, действительно ли святое было главным, а будничное — второстепенным?

Вера и полнокровная еврейская жизнь не находились в центре внимания, несмотря на многочисленность соблюдавших заповеди. Обвинение не является моей целью. К тому же полагаю, что даже отказавшиеся от

служения Господу, от иудаизма, не покинули его владений. В большинстве своем, сознательно или бессознательно, они продолжали выполнять немало его повелений. Но среди тех, кто безусловно подчинялся иудаизму, увеличивалось число не проникавших в глубину его идей. Не абсолютна гармония между различными ветвями религиозной жизни, между человеком и Творцом, между человеком и ближним его. Кто решился бы сказать, что все обстоит благополучно? И разве не наносило ущерб равнодушие со стороны многих верующих к судьбе нации и ее надеждам, к Эрец Исраэль? Более того, в день Суда спрашивают у человека: «Надеялся ли ты на спасение?» Иными словами: наполнил ли ты свое сердце истинным чувством этого ожидания, предпочел ли его всем другим чувствам и надеждам, сопровождающим человека на его пути, которые на деле формируют облик человека и, возможно, также направляют его поступки?

Я не намерен обвинять, но серьезное обсуждение обязывает, по меньшей мере, задать все эти вопросы. Наиболее важный положительный момент заключается в том, что причина и следствие, грех и наказание не являются главным для верующего человека, хотя ему и приходится сталкиваться с этими проблемами. Еврей не пренебрегает этими важными вопросами, — их место в области религиозной философии. Он не устраняется также от еще более серьезных проблем, не избегает обращений к небу. Нас удручают страдания и жестокость, обрушившиеся на мир. Но легкодоступное и приемлемое для разума оправдание, говорящее, что речь идет только о количественном различии — ибо проблема безропотного принятия кары и бед не возникает с воцарением зла, она уже существует по отношению к самому малому беззаконию, к минимальной жестокости — не является удовлетворительным ответом. Наш Бог — Бог правосудия и справедливости, и Его путями нам идти. Вера — вечный подход к человеческой жизни. По сути своей она является господствующим принципом. В бурные времена, в часы исступления и безумия, в веке превратностей ее власть приближается к абсолютной. Парадоксальность заключается в том, что когда пошатнулись все устои и можно было отчаяться, разувериться во всем и быть увлеченным потоком неверия, — именно тогда вера воспрянула. Ее сила не является силой естественной, обычной. Она стремится сделать возможным то, что считается невозможным и далеким от осуществления. Нет ничего, что свидетельствовало бы столь явственно о высшем мире, о вечности, о целостности и совершенстве, о Боге и Его путях в мире, как об этом свидетельствует вера. Познание приближает высшие ценности к разуму, вера служит мостом, ведущим предположения и поиски разума к окончательной достоверности. Нет ничего более понятного и ясного для верующего, чем вечность и ее ценности. Чем больше разум испытывает сомнение относительно мира истины, исходя при этом из логики происходящего в жизни, тем больше крепнет вера. Ее особая сила заключается в том, что уверенность крепнет тогда, когда обычное созерцание не находит опоры в действительности. Корни веры в вечности, и поэтому она не подвержена потрясениям. Напротив, крушение жизни, которая построена человеческими силами и опирается на них, — об этом сказано: «Проклят тот человек, который надеется на человека и плоть считает своею опорой» — укрепляет фундамент, на котором возведено здание веры. Ибо такое крушение в этом мире указывает на предел возможностей и г на неудачу, связанную со всякой попыткой строить жизнь исключительно на силах преходящих. Быть может, в этом объяснение поразительного факта, кажущегося на первый взгляд непостижимым: самые тяжкие времена предвестника — времена непоколебимой веры. Я не согласен с тем, что слабость и незащищенность приводят человека к вере, служащей ему опорой и убежищем. Время серьезного кризиса — это время победы высших сил, достигающих апогея господства.

На протяжении длительного периода народ Израиля относился к вере как к центральной силе в своей жизни. Вера возводила дом Израиля. Наблюдая за их удивительным взаимовлиянием, трудно решить, что предшествует чему, что возносится над чем. Связь между этими двумя факторами неразрывна. И не удивительно, что вера помогла евреям и в наше время, именно в наше время. Не буду утверждать, что сила веры проявляется и открывается теперь во всем своем величии. Маловеры есть во всех поколениях, а в нашем осиротевшем поколении тем более. Ассимиляция, ненависть, обращенная на себя самих, страдания — все это ослабляло веру. Но образ жизни в гетто Польши и Литвы, проявления мысли, в которых крепла воля к существованию, основанная на приверженности к Творцу, любовь к жизни, чьи корни не в погоне за удовольствиями, а в служении Вечному, — все это свидетельствует о победе веры над всеми силами отрицания.

Вера Израиля не является исключительно абстрактной. Разумеется, в ней есть обнаружение духа Божьего. Вера — дар Всевышнего, и не каждый удостоивается этого дара. Ее пути и кандалы в иудаизме многочисленны и многообразны. Тора и заповеди дают ей прочную опору в жизни. И хотя истоки ее в небесах, можно сказать, что Бог основал ее на земле. Исполняя заповеди, человек получает возможность ежедневно утверждать свою веру. Бог, вселивший ее в наши сердца, вручил нам Книгу Своих законов, и в ней — Его повеления. Всеобъемлющая вера в Бога и в царство Его воплощена во всех заповедях предписывающих и запрещающих. Всяким действием, вытекающим из изучения Торы и исполнения заповедей, еврей возвещает о своей верности Творцу вселенной и о своей вере в Него. Радость, связанная с исполнением заповедей — признак связан связи между благочестивостью и приверженностью: «Благословен муж, уповающий на Господа, и чья опора — Господь». Это особое «я» верующего в Царя вселенной, и в этом всякое благословение для человека в будущем.

В каждой заповеди, которую мы исполняем, — и тем более при трагических обстоятельствах, — отражается иной, высший мир. Человек, исполняющий заповедь, не всегда сознает это, но само действие поднимает и возвышает его, если он выполняет предписание «всею душой» (согласно толкованию блаженной памяти наших мудрецов: даже если отнимают у тебя душу твою). И, может быть, лучше чем в другие времена понимаем мы сказанное рабби Акивой в час освящения им имени Вечного: «Всю мою жизнь стремился я исполнить заповедь «всею душою твоей», а теперь, когда это дается мне, ужели не исполню?» Следовательно, вершина исполнения заповеди — в готовности человека пожертвовать жизнью ради нее, тогда крепнет и побеждает вера. И теперь мы понимаем значение веры в час наибольшей опасности, а также значение веры как факта в этих условиях.

Вера подвергается в наши дни серьезным испытаниям. Мы боролись и побеждали. Несомненно, верующее еврейство сохранило верность Богу и Его Торе, своей миссии. Определенные признаки слабости и недостатки не могут умалить тот факт, что религиозные евреи верят, изучают и обучают, выполняют и соблюдают. Уместно думать о самоусовершенствовании, но преданность Творцу существует, и это является определяющим.

У веры есть особое назначение — она защищает и спасает. Вера ; дает силы выстоять, и благо человеку, чья вера незыблема, человеку, который черпает силы в жизни по законам Торы. И горе человеку, лишенному этой опоры, для него огненный столб не озаряет мрак. Он блуждает по дороге жизни, и неизвестно, куда заведут его многочисленные тропинки. Всякий же, кто идет теперь с поднятой головой, достиг этого благодаря вере, даже если он не осознает, в чем источник его сил.

Будущность веры и верующего еврейства

Еврейский народ перенес страдания, равных которым не знает человеческая история. Велики его утраты. Потеря позиций в политической и общественной жизни, в экономике и в других областях ставит под угрозу его существование в диаспоре.

И в то же время еврейство одержало наибольшую в истории победу. Сказанное кажется парадоксальным. Но я придерживаюсь мнения, что «преследуемый народ, вызывающий к себе жалость, продолжает верить в свое будущее и в будущее мира. Он среди сил-победителей в гигантском сражении. Народ Израиля не довольствуется только продолжением своего существования, надеждой на восстановление разрушенного; широкие слои народа сохранили веру, освящающую имя Превечного в истории. Если бы в наши дни появился большой духовный вождь, одаренный глубиной мысли и силой слова, которыми обладали лучшие из учителей во времена нашего учителя Моше, пророков, танаим и до праведников хасидизма и выдающихся раввинов, — сожалению, мы не удостоились этого особого счастья, в котором есть как бы продолжение Торы и утешение для несчастных — он прославил бы этот народ-мученик и его верующих. Он увенчал бы двумя коронами каждого из народа Израиля, одной за «исполним», а другой за «будем слушать», которые и сегодня являются движущими силами Израиля. Он бы обратился к Властелину миров, как делал это рабби Леви Ицхак из Бердичева. Он защищал бы с восторгом и требовал бы от Провидения обратить взор на страдания народа, на его праведность и на его достоинства и перейти с трона правосудия на трон милосердия. Он устремил бы ввысь строгие слова, требуя спасения народа, избавления. И потому, что нет у нас такого вождя, мы бедны и пусты, литература и искусство не повествуют о страданиях поколения, о его величии. Я убежден в том, что историк будущего обратит внимание на героизм, на страдания, на принятие ига — ига царства небесного, ига заповедей и самоотверженности — и скажет, что наше поколение было поколением замечательным, но не удостоилось иметь представителя, напоминающего образ пророка. Среди всех трагических обстоятельств, связанных с нашим временем, есть, быть может, особая трагичность: такой период требовал силу пророков в управлении, в поддержке, в утешении и во всем, что характеризует пророчество.

В этом значение нашего периода и значение веры, неотделимой от Торы и заповедей, основанной на Торе и заповедях. Пройдут века, и люди поймут, что наше поколение, преданное Господу, несмотря на испытания, было подвергнуто самому тяжкому из всех испытаний, каким когда-либо подвергалось какое-либо из поколений на протяжении всей истории человечества.

В КОНЦЕ ПУТЕЙ СТОИТ РАББИ ЛЕВИ ИЦХАК ИЗ БЕРДИЧЕВА И ТРЕБУЕТ ОТВЕТА У ВСЕВЫШНЕГО

Ури Цви Гринберг

Теперь рабби Леви Ицхак из Бердичева говорит: Властелин мира!

Я стою среди мира-что-весь-иноверец, под которым евреи тлеют,

Евреи тепла доброго лета...

И холодно мне на солнце, как телу нагому в снежных полях.

Нет-нет, Властелин мира! Я не хочу,

Чтобы дальше продолжало свой ход время страхов и крови в народе моем!

Не считай по обычаю старому: как теперь шли евреи диаспор

В огонь и в воду и поднимались, спускались по лестнице ужаса в высоты-его-и-в бездны,

И не отрекались от веры-с-Синая, жгучей-жгучей,
И не поднималась к небу в их дыме хула, слетая с их уст,
И не загрязнили Тебя кровью своих тел,
И не вопрошали, как войско в беде: Где-же-где полководец? — — —
Это вовсе не признак, не знак, что и дальше будут они
Верными вере-с-Синая, жгучей-жгучей, с молитвами утром и вечером,
Преданы будут, привязаны, как ветки к горящему дереву,
Пока не падут они пеплом.
Но... Или дай им познать: Ты действительно Бог и Отец их в беде,
Ты полководец-недремлющий с планом в руке, а они Твое войско,
И у пролитой крови есть предел свой и цель, как-у-всякой-крови-воздаяния-требующей,
Она не как рыба кровь и не кровь скотины и дикого зверя, •И все продолжение их бытия с-пением-
неутолимой-молитвенной-жажды
Идет по линии ужаса испытаний веков —
К цели желанной царства, обещанного в границах между Еором
И Великой рекой: для их хлеба, вина и величия,
Ведь этого стоит все шествие крови и слез их, и страха.
А иначе... Не пойдем больше в пламя и воду, нет-нет!
Сами выберем путь — мы устали от бед —
Как его избирает любой из народов,
Путь среди семидесяти языков.
Мы не достигли конца дней, но пришли мы в крови ?
К концу путей:
Не хотим мы изгнаний, тех, что скважины нефти горящие,
А мы в них факелы в ночах иноверцев.
Не хотим мы взойти на небо чрез ворота огненные
Или через волны рек среди народов.
Не хотим мы лежать-тлея на всех полянах в мире,
И могильный наш камень по жребию тоже труп наш в конце — —
Не хотим мы быть прахом степным.
Не хотим быть народом, как-воды-в-открытом море.
Мы хотим нашу жизнь видеть с берегами, с порогами,
Знать наши границы точно и охват сил!
Столько-то мер земли,
Столько-то мер неба,
Не больше, не больше;
Потому что нас устрасило такое-обилие-неба нагого,
Что над головою потерявшею путь среди моря — —
Мы хотим вечность-телесную, вечность-земную, вечность-величия-венца,
А не вечность-скитаний, вечность-ветров, вечность в скорби изгнаний,
Вечность-главы-в-облаках, вечность сердца-носимого-волнами...
Час пробил, и Тебе выбирать: быть ли Богом-Отцом,
По Которому мы тосковали издревле,
Который благословляет народ с его наковальней и заступом, с мечом и с песней его.
Между Бором и Великой рекой;
И поднимется Храм на горе: наше-сокровище-наша-слава Тебе.
Мы будем евреями в талите с тфилин, в Торе, мудрости и труде,
Чья кровь — царская кровь: воздаяния-требующая-и-защиты;
Иудеями, в чьей стране корона Давида, и благословенный меч его
В ножнах лежит на башне;
Молитва и пророчество; благословение персей и поля; урожай и глубокая старость;
Великий народ; честь соседствовать с ним; для союзов желанный:
С торговлею и плодами в-поры-мирные, и каждый у знамени своего в день битвы...
Или же Ты возвестишь и объявишь: вы свободны-от-Синайской-горы!
С вами правда. Мне скорбь — —
Вы были верны до конца, до-капли-крови-последней;
Лучше вас для Бога не будет у Бога больше!
Удержите глаза от скачков по вершинам, от блужданий по небу.
По долине ходите, разойдитесь по доброй равнине.
Смотрите: как прелестно дерево это, как искрится эта река!
И на струнах ваших играйте песнь настоящего!

Не велите больше сынам быть скитальцем, изгнанником,
Научитесь и вы от народов добру и злу
И поступайте на благо вашего тела.
Мне же, Леви Ицхаку из Бердичева, будет так скорбно,
Что нет равной скорби моей:
Ведь больше не будет Суббот и праздников, молитвы вечерней и утренней;
Не будет евреев в талите с тфилин в мире, который весь нееврей;
Умолкнет еврейская песня в мире.
Не омоет еврей две святые руки в воде из колодца
Прохладной для благословенья над хлебом;
Не соберет такая рука крошки со скатерти.
Их не отнесет на подоконник для птиц Твоих, Боже!
Над плодами деревьев и поля не промолвят благословение
Старцы и отроки, жены и малые дети... О горе!
Не раздастся больше напев, как напев исходящий из груди
Человека-простого: в Субботу, будто свирель в груди у него
Или скрипка Давида и флейты его — —
Больше не будет детей с-естеством-голубиным-в телах.
Щебечущих, словно птицы...
И напрасно лилась кровь поколений. Властелин мира!
Она унеслась в никуда и даже не в море большое.
Чтоб воды его были всегда как сумерки;
И пение, и тоска-по-Тебе, и древняя вера.
Та что была неподвластной врагам доньне... А теперь — о горе!
Я пришел ее показать Тебе: на краю бездны она.
В образе тела праотца Авраама в конце путей:
Сюда иль туда. Властелин мира!
Ты не привык, чтоб еврей поднялся и требовал.
Ты привык к восхвалениям. К трелям напевов его.
Ты привык его видеть изливающим душу с рыданием, истекающим кровью,
С сердцем разбитым, клокочущим, и с дрожаньем колен в день поста,
Но теперь — будет иначе, мой Властелин!
Я не дам,
Нет-нет!
Сюда иль туда!
Я, Леви Ицхак из Бердичева, требую ответа Всевышнего!
Ответь, куда-это-все?
Еще дальше и дальше, как течение моря беспредельное.
Под таким обилием-неба-нагого?
Нет-нет!
А если, упаси Боже,.. Ты ответишь на это: Да
Как теченье морское... без предела, без цели.
Словно шар. вертящийся сам по себе. —
Я говорю Тебе: Нет!
Если, упаси Боже... таково Твое слово,
Я надорву талит, и это будет надрывом завесы!
Народ отвернется, свернет, куда пожелает, со всеми своими общинами;
Они за собою оставят осколки доверия, чаши печали и мук.
Много надгробий вдали, замшелых камней, сиротством и вдовством высеченных,
И долину мира, полную волнами букв, как глазами — —
И я пойду с народом,
С его общинами Ты отказался быть, когда тонули они на суше.
Как корабли скитальцев, затонувшие в море большом.
Я пойду с этим народом;
И что бы он ни сделал на благо плоти своей, я благословлю его в мире,
Именем боли, мой Властелин, из за боли...
И в полночь я выйду в мир: еврей единый страдающий,
Посмотрю на небо, на звезды, как смотрел наш первый отец,
И возглашу я «Слушай, Израиль» словно в-сердце-надрыв.. шепотом;
И паду я ниц на землю-мира-что-весь-нееврей,
По которой евреи шли к Богу,

И заплачу-заплачу — — как только может рыдать сердце.
Ужели Ты этого хочешь, Бог отца моего и матери до Авраама?
Есть ли предел для Бога, Который явился с пламенем закона на Черном море,
А мы и на этот раз стоим против моря?! — —
Скажи сынам Израиля... и узнают-они!
Я, Леви Ицхак из Бердичева, требую ответа Всевышнего!

ЙОСЕФ РАКОВЕР ВОПРОШАЕТ ТВОРЦА

(Завещание)

Варшава, 28 апреля 1943 г.

Я, Иосель, сын Иоселя Раковера из Матернополя, хасид рабби из Гура, потомок рода святых и великих праведников из семейств Раковеров и Майзлес, пишу эти строки в час, когда Варшавское гетто пылает, а дом, в котором я нахожусь теперь, — один из последних, еще не объятых огнем. Уже в течение нескольких часов мы подвергаемся обстрелу, и стены вокруг меня рушатся. Еще немного и дом, в котором я нахожусь, превратится в могилу для своих защитников и жильцов, как и все наши дома в гетто. Огненно-красные острые лучи солнца, проникающие через маленькое окошко моей комнаты, из которого мы дни и ночи стреляли по врагу, говорят мне, что теперь вечер, сумерки заката. Солнце, конечно, не знает, насколько не жаль мне, что больше не увижу его...

Когда я с женой и детьми — их было шестеро — скрывался в лесах, ночь, только ночь укрывала нас; день же выдавал нас в руки преследователей. Разве забыть мне тот немецкий огненный град, падавший на головы тысяч беженцев по дороге из Гродно в Варшаву? С восходом солнца поднялись в воздух самолеты и в течение целого дня сеяли смерть. Там погибла моя жена с моим семимесячным птенцом на руках, а двое из оставшихся пятерых детей потерялись в тот день. Трое уцелевших детей погибли в Варшавском гетто.

Теперь наступает мой час. Подобно Иову я мог бы сказать о себе: «Нагим я вышел из чрева матери моей, и нагим возвращусь я туда». И эти слова отозвались бы тысячеголосым эхом. Мне сорок лет, и, оглядываясь на прожитые годы, я утверждаюсь в уверенности (в той мере, в какой человек может быть уверенным в себе), что жил честно. Удача сопутствовала мне в жизни, но я никогда не кичился этим. Дом мой был открыт для всех нуждающихся, и я был рад делать людям добро. Я поклонялся Богу восторженно и просил у Него только одного: чтобы дал мне служить Ему «всем сердцем твоим, всею душою твоею и всею силой твоей». После всего пережитого мною я не могу утверждать, что мое отношение к Богу не изменилось, но знаю, что моя вера осталась неизменной. Раньше, в добрые времена, я относился к Нему, как к тому, кто неустанно осыпает меня своими благодеяниями, я же всегда оставался в долгу перед Ним. Теперь я отношусь к Нему, как к тому, кто и мне что-то должен. Поэтому я полагаю, что имею право требовать от Него. Но я не говорю, как Иов: «Объяви мне, за что Ты со мною борешься». Те, кто выше и лучше меня, убеждены, что это не наказание за грехи и что происходит в мире нечто ни с чем не сравнимое — час сокрытия лица.

Бог сокрыл Свое лицо от мира и тем самым принес людей в жертву их диким инстинктам. И поэтому кажется мне вполне естественным, к сожалению, что когда в мире властвуют инстинкты, первыми их жертвами приходится быть тем, в ком живет нечто Божественное, чистое. В этом нет утешения. Но судьба нашего народа решается не согласно земным расчетам, а согласно устремлениям, духовным и Божественным, и поэтому верующий еврей обязан видеть в происходящем часть большого счета Бога, по сравнению с которым так малы все человеческие трагедии. Это не означает, что верующие евреи должны безропотно принимать беды, говоря: «Судья праведен и суд Его праведен», т.е. что мы заслужили те удары, которые мы получаем, ведь в этом было бы самоосквернение и профанация имени Божьего.

В нынешнем положении я, разумеется, не жду чудес и не прошу Бога сжалиться надо мной. Я не буду пытаться спастись и бежать отсюда. Я помогу огню, смочив одежду бензином. У меня осталось еще три бутылки с бензином после того, как несколько десятков таких бутылок израсходованы на врагов. Это было великое мгновение в моей жизни, я смеялся. Никогда бы не подумал, что гибель людей, даже если это такие враги, может так обрадовать меня. Пусть гуманисты-глупцы говорят, что им угодно. — отмщение было и всегда будет последним переживанием боя и самым большим удовлетворением для души. До сих пор я никогда не понимал с такой ясностью изречение Гмары: «Велико отмщение, заключенное меж двумя именами, как сказано: «Бог отмщений Господь». Теперь я пойму это. Теперь почувствую и познаю, почему радуется сердце при мысли о том, что на протяжении тысячелетий мы называем нашего Бога Богом отмщений — «Бог отмщений Господь».

И теперь, когда я вижу жизнь и мир тем ясным, особым взглядом, который лишь в редких случаях дается человеку перед смертью, мне кажется, что есть коренное различие между нашим Богом и их богом. Наш Бог — Бог отмщений,.. нашей Торой предусмотрены строжайшие наказания за незначительные проступки, но достаточно было Санедрину вынести смертный приговор один раз в семьдесят лет, чтобы его сочли

жестоким. Их бог заповедовал любить всякого, кто сотворен по образу и подобию, и с его именем проливают нашу кровь ежедневно вот уже две тысячи лет...

Варшавское гетто погибает с боем, с выстрелами, с борьбой, в пламени, но без воплей. Евреи не кричат от ужаса. Они принимают смерть как избавителя.

У меня есть только три бутылки, и дороги они мне, как вино для пьяницы. Когда я вылью на себя содержимое одной бутылки, я положу в нее бумагу, на которой я пишу теперь, и спрячу между кирпичами... И если когда-нибудь кто-нибудь найдет ее и прочтет, быть может, он поймет чувства еврея, одного из миллионов, который умер, покинутый Богом, в Которого он так верит. Две оставшиеся бутылки я разобью о головы нечестивцев, когда наступит мой последний миг.

Я горжусь тем, что я еврей, не назло миру, так относящемуся к нам, а именно из-за этого отношения. Я стыдился бы принадлежать к народам, которые произвели на свет и взлелеяли преступников, ответственных за то, что делают с нами.

Я горжусь тем, что я еврей, потому что трудно быть евреем, о, как трудно. Не нужен героизм, чтобы быть англичанином, американцем или французом. Проще, удобнее быть одним из них. но ни в коей мере не почетнее. Да, это честь — быть евреем!

Я верю, что быть евреем означает быть воином, вечным пловцом, плывущим против человеческого потока, мутного и преступного. Еврей — это герой, мученик, святой. Вы, ненавистники, говорите, что мы дурны, злы. Мы тоньше и лучше вас, — посмотрел бы я, как бы вы выглядели на моем месте.

Я счастлив принадлежать к несчастнейшему из всех народов земли, чей Закон — представитель всего самого возвышенного и прекрасного в законах и этиках. Этот освященный Закон ныне оскверняют и топчут ненавистники Бога, тем самым только увековечивая и освящая его.

Я верю, что евреем рождаются, как рождаются художником. От этого не уйти. Это Божественная ценность в нас, делающая нас избранным народом. Чужому не понять это, никогда не понять высший смысл, заключенный в освящении имени. Нет ничего целее разбитого сердца, сказал один великий праведник, и нет народа более избранного, чем народ постоянно преследуемый. Если бы не моя вера в то, что мы избраны Богом, я поверил бы, что мы избраны нашими бедами.

Я верю в Бога Израиля, хотя Он сделал все, чтобы в Него не верили. Я верю в Его законы, даже если не могу найти объяснение для Его деяний. Мое отношение к Нему больше не отношение раба к своему господину, а отношение ученика к учителю. Я склоняю голову перед Его величием, но не буду целовать палку, которой Он подвергает меня наказанию. Я люблю Его, но Его Тору буду любить больше, и если бы я даже разочаровался в Нем, я хранил бы Его Тору. Вера в Бога — религия, Его Тора — образ жизни, и чем больше нас погибает за этот уклад жизни, тем увереннее он входит в бессмертие.

Ты утверждаешь, что мы грешили, — конечно, грешили. И поэтому мы наказаны? Я могу понять и это. Но скажи мне, есть ли на земле грех, заслуживающий такое наказание, которому подвергнуты мы.

Ты утверждаешь, что воздашь ненавистникам по заслугам! Я убежден, что будешь воздавать беспрестанно. Я не сомневаюсь в этом. Но скажи, есть ли на земле кара, способная искупить такое злодеяние?

Быть может, Ты говоришь, что теперь речь идет не о грехе и каре, что нынче час сокрытия лица, когда Ты оставил людей на произвол их инстинктов. Хочу я спросить у Тебя. Боже, и этот вопрос жжет меня огнем губительным: что еще, о, что еще должно произойти, чтобы Ты вновь открыл нам Свое лицо?

Хочу открыто сказать Тебе, что теперь мы унижаемы и притесняемы больше чем когда-либо на нашем бесконечном пути страданий, и замученных, поправленных, задушенных, погребенных заживо и сожженных заживо среди нас больше чем когда-либо, нас уничтожают миллионами. Мы вправе знать, где кончается Твое долготерпение!

И еще хочу я сказать Тебе: прошу Тебя, не натягивай веревку сверх меры, потому что она может, не дай Бог, разорваться. Испытание, которому Ты подверг нас, столь тяжело, столь тяжело и горько, что Ты должен. Ты обязан простить тех из сынов народа Твоего, которые отвернулись от Тебя в несчастье своем и в гневе своем.

Прости покинувших Тебя в несчастье своем и прости покинувших тебя в счастье. Ты подвергал нас испытаниям бесконечной борьбы, пока боязливые среди нас были вынуждены бежать, куда глаза глядят. Не карай их за это. Трусов не наказывают, их жалеют. И над ними, больше чем над нами, смилуйся, Боже!

Прости осквернивших имя Твое, прости тех, кто пошел за чужими богами, кто стал равнодушным к Тебе. Ты подверг их таким мукам, и они потеряли веру в то, что Ты их Отец, что у них вообще один Отец.

Я говорю Тебе это, потому что верю в Тебя, потому что теперь я знаю: Ты мой Бог, ведь Ты не можешь быть Богом тех, чьи поступки — ужасающие проявления воинственного безбожия.

Ведь если Ты не мой Бог — чей же ты Бог? Бог убийц?

Если мои ненавистники столь темны и столь злы — кто я как не носитель частицы Твоего света, Твоей доброты?

Я не могу восхвалять Тебя за деяния Твои, несущие страдания, но я благословляю и прославляю Тебя за то, что Ты есть, за Твое страшное величие, которое, вероятно, столь могущественно, что все происходящее теперь для Тебя не имеет значения.

Но именно потому, что Ты столь велик, а я так мал, — я прошу Тебя, остерегаю Тебя ради имени Твоего: не выделяй больше Твое величие тем, что даешь истязать несчастных.

Я не прошу Тебя покарать виновных. В конце концов они сами покарают себя, — это заложено в самой природе ужасных событий. — потому что с нашей смертью умирает совесть мира, потому что весь мир погибает с убиением Израиля.

Мир сам сожрет себя в своей порочности, он утонет в своей крови.

Смерть не может больше ждать, и я вынужден кончить. С верхних этажей все тише доносятся выстрелы. Падают последние защитники нашей крепости, и вместе с ними рушится и погибает большая Варшава, прекрасная богобоязненная еврейская Варшава. Солнце заходит, и я благодарю Бога за то, что больше не увижу его. Я вижу багрянец пожаров и клочок неба, красный и беспокойный, как поток крови. Самое позднее через час я буду уже с моей женой, с моими детьми и с миллионами других сыновей моего народа в том лучшем мире, в котором нет больше сомнений и в котором Бог — единственный властелин.

Я умираю спокойный, но не удовлетворенный; изувеченный, но не отчаявшийся; веруя, но не прося пощады; любя Бога, но не повторяя слепо «амен».

Я шел за Ним и тогда, когда Он отталкивал меня от Себя. Я исполнял Его заповеди и тогда, когда Он карал меня за это. Я любил Его, был и остался любящим Его, даже если Он подвергал меня смертным мукам, отдавал меня на осмеяние и поругание.

Мой рабби часто рассказывал мне о еврее, который вместе с женой и детьми бежал от испанской инквизиции и в непогоду на маленьком суденышке добрался до скалистого острова. Молния убила его жену. Шторм унес в море его детей. Лишившийся близких, одинокий, как камень, нагой и босой, истерзанный бурей, испуганный громами и молниями, с растрепанными волосами и с руками, простертыми к небу, еврей шел дальше по скалистому необитаемому острову и взывал к Богу, говоря так: «Властелин миров! Я бежал сюда, чтобы служить Тебе, исполнять Твои заповеди и освящать Твое имя. Ты же много делаешь для того, чтобы я оставил мою религию. Но если Ты думаешь этими испытаниями принудить меня оставить путь истинный, я говорю Тебе, мой Бог и Бог отцов моих, что это Тебе не удастся. Ты можешь сокрушить меня, Ты можешь отнять у меня самое дорогое и лучшее в мире. Ты можешь подвергать меня смертным мукам — я всегда буду верить в Тебя. Знай же твердо: желают или не желают того небожители, я еврей и евреем останусь. И ничего не изменят испытания, которые Ты обрушил на меня и которые обрушишь!»

Это и мои последние слова к Тебе, мой Бог ярости.

Ты сделал все, чтобы я разуверился в Тебе, чтобы я не верил в Тебя. Но я умираю, как жил, с крепкой как скала верой в Тебя.

Да будет восхваляем во веки веков Бог мертвых. Бог отмщения. Бог истины и правосудия, Который вновь озарит лицо Свое для мира и сотрясет основы его Своим могучим гласом —

Слушай, Израиль! Господь — Бог наш, Господь один!

Руке Твоей вручаю мой дух.

КАТАСТРОФА В ДОКУМЕНТАХ, ФАКТАХ И СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЯХ

ОЧЕРК ИСТОРИИ КАТАСТРОФЫ

Израэль Гутман

Расовая теория

Антисемитизм укоренился в Германии и в странах Европы много веков тому назад. Само понятие «антисемитизм» было введено немецкими ненавистниками Израиля в 70-х юлах прошлого столетия. В конце 19-го века антисемитизм приобретает политический характер в Германии и в других европейских странах, то есть ненависть к народу Израиля становится составной частью программы политических партий и оружием в политической и пропагандистской борьбе за душу народных масс. Но только в тридцатых годах нашего столетия вместе с усилением национал-социализма и приходом Гитлера к власти расизм открыто признается платформой массовой партии, а впоследствии антисемитизм становится официальной политикой Третьего рейха.

Принято считать, что в прошлом еврею предоставлялась возможность найти убежище от преследований посредством ассимиляции, отказа от еврейской традиции; этим он обретал право на вход в европейское общество. Расизм отнимает у еврея такую возможность. Нацизм утверждает, что между расами ведется непрерывная война. В этой войне высшие расы выступают в качестве физической и духовной элиты человечества, воплощая в себе творческие силы и героизм, а враждебные им низшие расы представляют собой начала разрушительные и низменные. Немецкий народ — наиболее высокоразвитая ветвь арийско-нордической расы, а евреи — «недораса», неполноценная раса, стремящаяся подорвать установленные в мире порядки и отнять у высшей расы власть и руководство.

Приход нацистов к власти

В 1924 году на выборах в рейхстаг нацисты неожиданно для всех получили 18,3% голосов и вошли в рейхстаг со ста семью мандатами. Следует отметить, что нацистам не удалось получить абсолютное

большинство голосов ни в одной из свободных избирательных кампаний, в том числе и на выборах в марте 1933 года, уже после их прихода к власти. Но на первый взгляд кажется, что сам захват власти был осуществлен организованно и законно.

Гитлер пришел к власти 30 января 1933 года. Расовая теория соединилась с политической исполнительной силой тоталитарного строя, а власть сосредоточилась в руках руководителя, считавшего себя человеком предопределения, на которого возложена определенная миссия.

Антисемитизм как официальная политика

Антисемитизм является официальной политикой Третьего рейха и правящей партии. Непосредственно после захвата власти нацисты отметили победу погромами и преследованиями евреев. Их жертвами были главным образом люди, принадлежавшие к кругам интеллигенции. Многие евреи были захвачены волной арестов, прокатившейся по стране в первые месяцы после прихода нацистов к власти. Насильственные действия и нарушения порядка под покровительством государства в стране, расположенной в сердце Европы и известной своими культурными традициями, упорядоченным образом жизни, любовью к порядку и дисциплине, вызвали резкие отклики протеста за границей. Новые правители Германии увидели в этих гневных откликах «подстрекательскую» деятельность евреев и решили жестоко отомстить за это евреям Германии. Был объявлен общий бойкот, начиная с 1-го апреля 1933 года. Операцией руководил Юлиус Штрайхер, яростный ненавистник евреев, редактор антисемитского журнала «Дер Штюрмер», который занимался злобным и ядовитым подстрекательством, не гнушаясь воскрешения кровавых наветов и обвинения евреев в склонности к сексуальным преступлениям. Бойкот, которому предшествовала широкая пропагандистская и агитационная работа, продолжался один день.

1-го апреля 1933 года перед еврейскими предприятиями и магазинами стояли вооруженные молодчики, преграждавшие вход в них. Многочисленные щиты и плакаты в руках демонстрантов призывали к бойкоту. Следует отметить, что немало немцев, не испугавшись оскорблений и угрожавшей им опасности, все же сделали в тот день покупки в еврейских магазинах.

В апреле начинается новый этап антиеврейской политики, чью основу составляет отказ евреям Германии в правовом и гражданском равенстве, постепенное вытеснение евреев из экономической жизни, возведение социальной стены между евреями и немцами и изгнание евреев из Германии. Эта кампания достигла апогея после принятия печально известных «Нюрнбергских законов». Законы предписывали увольнение евреев с общественных должностей, отстранение от работы в системе судопроизводства и отстранение евреев врачей от работы в общественных больничных кассах. Евреям также было запрещено служить в немецкой армии.

В мае 1933 года состоялась постыдная церемония публичного сожжения книг, зрелище, вызывавшее негодование и наводившее ужас. Были брошены в огонь великие произведения мировой литературы и философской мысли, и среди них книги, сожженные лишь потому, что их авторами были евреи.

Расовые законы

Нюрнбергские законы были изданы в сентябре 1935 года. Первый из них, «закон о подданных рейха», устанавливал, что гражданином рейха является только человек, принадлежащий к немецкой нации, к этой категории не относятся люди, чья кровь «не чиста». Реальными последствиями, вызванными этим законом, была отмена всех достижений эмансипации и превращение евреев в людей второго сорта. Вторым принятым в Нюрнберге законом был закон «о защите человека немецкой нации», запрещающий браки между евреями и немцами, запрещающий домработницам-немкам моложе 45 лет работать в еврейских домах. Этот закон запрещал евреям поднимать флаг рейха.

Законы, связанные с соблюдением и дополнением Нюрнбергских законов, издавались на протяжении всего пребывания нацистов у власти. Результатами принятия этих законов было лишение евреев юридических прав, вытеснение с мест работы, незаконное присвоение еврейского имущества и подготовка почвы для «окончательного решения» еврейского вопроса.

Эмиграция евреев из Германии

Главным препятствием на пути широкой эмиграции евреев из Германии, а впоследствии из стран, оккупированных немцами (в тот период, когда нацисты еще разрешали выезд из страны, было то, что различные страны мира строго ограничили прием еврейских беженцев. Международная комиссия, начавшая свою работу 6 июля 1938 года во французском городе Эвиане, не облегчила тяжелое положение беженцев, не помогла преследуемым получить убежище. Эта комиссия продемонстрировала пассивность демократических стран и бессилие международных организаций. Евреи, проживавшие в Эрец Исраэль, были готовы принять значительное количество евреев из стран, где им грозила опасность, и, действительно, немало немецких евреев нашло убежище в Эрец Исраэль, но ограничения, установленные британскими властями, не позволили увеличить число спасшихся.

События 1938 года, названного в немецких документах «годом окончательного решения», положили начало новому этапу нацистской политики, проводимой по отношению к евреям. Это был период активной подготовки к войне; и эскалацию насилия, направленного на евреев, следует рассматривать как составную часть политической и идейной программы. В течение 1938 года проводилась кампания по разрушению синагог (Мюнхен и Нюрнберг), ограблению и разрушению магазинов, проводились массовые аресты,

регистрация еврейского имущества с целью бойкотирования, изменение имен евреев (каждый еврей и еврейка были обязаны прибавить к своему имени дополнительное имя — Израиль, Сарра).

«Хрустальная ночь» (9-10 ноября 1938 года)

Предлогом для этих событий послужило нападение еврея на секретаря немецкого посольства в Париже. (Семья молодого еврея, Гершеля Гриншпана, была изгнана из Германии и находилась в лагере нежелательных беженцев в польском пограничном местечке.) По знаку Геббельса была начата операция, движущую и исполнительную силу которой составили банды фашистских молодчиков. В ходе погрома были сожжены синагоги, убит (согласно немецким данным) девяносто один еврей, ограблены и разрушены 7000 еврейских магазинов и предприятий. Как продолжение погрома, который потряс мировое общественное мнение и вызвал многочисленные отклики в самой Германии, евреям было предъявлено требование выплатить репарацию в сумме миллиарда с четвертью марок, и 20-30 тысяч евреев были задержаны и отправлены в концлагеря. Погром 1938 года завершает собой период социального отделения, экономического вытеснения и ускоренной эмиграции законными путями. Впоследствии наблюдается сочетание законодательных мер с грубым животным антисемитизмом, который выражался главным образом в постоянных, все более и более жестоких актах насилия, направленных против евреев.

Изгнание евреев из Австрии и Чехословакии

13 марта 1938 года нацисты подчинили себе Австрию. Их метод борьбы с евреями в Австрии был еще более грубым и решительным, чем в самой Германии. Массовый энтузиазм, с которым было встречено «присоединение», нашел свое выражение, в частности, в издевательствах над евреями, в необузданных нападениях и столкновениях. Законодательство, сложившееся на протяжении нескольких лет в нацистском рейхе, было немедленно введено в Австрии.

Вслед за Австрией настал черед Чехословакии, испытавшей на себе процесс раскола изнутри и разрушения извне.

Второй этап антиеврейской политики

1 сентября 1939 года, одновременно с началом Второй мировой войны, начинается новый, второй этап политики нацистов, направленной против евреев, и в методах, применяемых в этой политике. Нацисты захватывают большую часть Польши, страны с миллионным еврейским населением, известной как резервуар еврейских творческих сил, а, по мнению нацистов, в ней сосредоточен биологический базис еврейского народа.

Нацисты отделяют евреев от других национальных групп, принуждают их носить особые знаки, позорные пятна; евреев собирают в гетто. Особые приказы лишают евреев источников дохода, изгоняя их из всех областей экономической жизни. Евреев отправляют на принудительные работы, в трудовые лагеря. Из-за неприемлемых жилищных условий, голода и эпидемий увеличивается смертность среди евреев. Существует мнение, что уже на этом этапе нацисты добивались физического уничтожения евреев, создавая условия, при которых человек не может существовать.

Этот этап продолжался до начала войны с Советским Союзом (22 июня 1941 года). Начинаются массовые убийства с помощью различных средств, направленные на тотальное физическое истребление еврейского народа, на так называемое «окончательное решение еврейского вопроса».

Преследования евреев в Польше

В течение года евреев, проживавших на захваченной немцами польской территории, собрали и заключили в гетто. Большое, герметически закрытое гетто было создано в Лодзе, самое большое гетто было основано в Варшаве, за короткий срок сюда доставили тысячи евреев, в этом гетто находилось более полумиллиона человек. На евреев обрушился поток приказов и запретов: 1) ношение особой еврейской позорной метки; 2) учет еврейской рабочей силы и обязательный выход на принудительные работы; 3) конфискация еврейского имущества и лишение евреев средств к существованию; 4) принудительная отправка в трудовые лагеря.

Расширение немецкой оккупации

Благодаря стремительным победоносным военным операциям на Западе власть нацистов над европейским еврейством становилась неограниченной. За период между нападением на Польшу в сентябре 1939 года до начала войны с СССР, то есть менее чем за два года, нацистам удалось захватить большую часть Европы: Норвегию, Данию, Бельгию, Францию, Голландию, Югославию, Грецию, — эти страны капитулировали под ударами коротких успешных военных операций Германии. Страны Юго-Восточной Европы — Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария — добровольно приняли немецкий диктат и, таким образом, вошли в область нацистского влияния.

Оккупированные немцами территории были почти полностью изолированы от свободного мира. С особыми трудностями столкнулись еврейские организации, стремившиеся установить связь с евреями, находившимися в кольце блокады, чтобы оказать им материальную помощь и содействовать их спасению. С течением времени все глубже становилась пропасть, отделявшая евреев на оккупированных территориях от евреев в свободных странах. Когда начался этап тотального уничтожения и вести о массовых убийствах проникли в свободный мир, евреи не были готовы к действиям по спасению и широком масштабе, к тому же было невероятно трудно предложить практически выполнимый план предотвращения убийств или осуществить операции по массовому спасению. За исключением небольшой группы десантников из Эрец

Израэль (официально в их задание не входило спасение евреев), евреи не проникли извне на оккупированные территории для оказания помощи и для руководства братьями.

Третий, последний этап «окончательного решения еврейского вопроса» начался вместе с вторжением немецкой армии на территорию Советского Союза (июнь 1941 года) и продолжался почти до конца войны (май 1945 года). Во всех оккупированных странах евреи подвергались жестоким преследованиям со стороны нацистов и тех, кто находился под их влиянием. Около шести миллионов евреев Европы были уничтожены в ходе массовых расстрелов или в лагерях смерти.

Согласно обвинительному письму, представленному в Международный военный трибунал, «оперативными группами» были уничтожены 100.000 евреев неподалеку от Вильны, 7.000 в Ковно, 5.670 в Лиде, 7.000 в Мариуполе, 37.640 в Тракай и в окрестностях, 100.000 «мужчин, женщин, детей и стариков в Бабьем Яру» после взрыва в немецком штабе на улице Дзержинского в Киеве, 30.000 евреев в Каменец-Подольске, среди них 13.000 доставленных из Венгрии, 195.000 в Харькове. «Замучены, расстреляны, умертвлены в газовых камерах» 60.000 евреев на берегу Двины возле Риги. 10.000 в Ровно и в окрестностях, 60.000 в Киеве и Днепропетровске, 20.000 в одесском районе. «В Крыму собрали 144.000 человек, вывезли их на лодках в море и утопили».

Массовые убийства осуществлялись по определенному плану в установленном месте заранее копали большой ров; на краю этого рва люди из оперативной группы выстраивали обреченных на смерть; расстрелянные падали в яму. Ров закапывали, даже если среди находившихся в нем были еще живые. В Литве, Белоруссии и на Украине появились многочисленные еврейские братские могилы.

Фабрика смерти

Механизм массового уничтожения был приведен в действие и работал на полную мощность во всех странах Европы. В места поселения евреев прибывала особая группа, в чьи обязанности входило выселение и отправка евреев в нужном направлении. Этим группам оказывали поддержку войска СС, части литовцев, латышей, эстонцев и местная полиция. Высылка производилась под различными предложениями. Евреям Польши сообщали об отправке на работы «лишних, не обеспеченных работой»; евреям Запада говорили о создании еврейских поселений на Востоке. Обман и средства маскировки для введения в заблуждение применялись до конца — до входа в газовые камеры. Обычно высылка проводилась поэтапно. Нацисты начинали с отправки слабых с социальной точки зрения слоев: бедняков, беженцев, «чужих». У оставшихся создавалась иллюзия, что их это не касается. За первым этапом выселения следовал второй и третий, до полного «очищения» от евреев.

Политика расовой дискриминации и физического истребления была направлена на всех евреев без исключения. Но темпы и методы исполнения находились под влиянием местных условий, под влиянием того, как различные народы реагировали на требования нацистов. Существовало значительное различие в степени самоуправления оккупированных стран. Польша, например, была полностью лишена политической самостоятельности, в то время как Дания сохранила относительно широкие полномочия власти. Разумеется, отношение самих народов также являлось важным фактором. Балтийские народы оказали активную поддержку в уничтожении евреев, поляки часто проявляли безразличие и отчужденность, а болгары и, в еще большей мере, датчане спасли жизнь многим евреям. Такими странами как Кroatия и Словакия правили ставленники нацистов, они раболепно выполняли все распоряжения своих господ.

В Польше нацисты создали крупные лагеря смерти и уничтожали в этих лагерях евреев, доставляемых со всех стран оккупированной Европы. Большинство поляков восприняли истребление евреев с демонстративным безразличием или с подчеркнутым удовлетворением. Из 3.250.000 евреев, проживавших в Польше в 1939 году, было уничтожено около 2.850.000.

Ответная реакция евреев на замыслы нацистов определялась двумя факторами. Вначале, на протяжении нескольких лет, предшествующих этапу массового истребления, нацисты предпринимали все возможное, чтобы ослабить евреев физически и духовно, сломить их силу воли, лишить их человеческого достоинства, подорвать их внутреннее единство и полностью изолировать их от внешнего мира. Вторым фактором представлен методами маскировки и обмана. Слухи о лагерях смерти встречали, как правило, с недоверием, разум и сердце отказывались верить в реальность подобных вестей.

Истребление евреев в странах Западной Европы

В странах Западной Европы нацисты столкнулись с трудностями в проведении своей антиеврейской политики, им пришлось призвать на помощь обман и всевозможные уловки. Не всегда легко удавалось выявить евреев, которые в большинстве своем не отличались от других жителей ни внешним видом, ни образом жизни.

Население большинства стран Запада видело в нацистском антисемитизме составную часть оккупационной политики захватчиков и в определенных случаях демонстрировало свою солидарность с преследуемыми евреями. Во Франции, разделенной на два административных района (немецкую оккупационную зону и зону правления Виши) и итальянский анклав, проживало 300.000 евреев. В марте 1941 года правительство Виши создало «комиссариат по делам евреев». В первую очередь нацисты и французские фашисты нанесли удар по «чужим» евреям, то есть по евреям, получившим французское гражданство недавно или не являвшимся гражданами Франции. Отправка в лагеря смерти была начата в немецкой оккупационной зоне и

охватила впоследствии зону Виши. Только в небольшом южном районе, находившемся под властью Италии, евреи не подвергались преследованиям, и этот район сыграл важную роль в операциях по спасению евреев. Сочувственное отношение значительной части французского населения дало многим евреям возможность скрыться от преследователей, большинство спасшихся евреев вступило в ряды французского движения сопротивления. Количество евреев, отправленных из Франции на восток, составляет 90.000 человек.

Летом 1942 года начались ночные облавы в Бельгии, где проживали 90.000 евреев. Фашисты оцепляли жилые районы, перекрывали улицы, задержанных во время облавы евреев отправляли во временные пересыльные лагеря. Первыми подлежали отправке «чужие». Было уничтожено около 40.000 бельгийских евреев.

Еврейское население Голландии составляло в 1941 году 150.000 человек. В начале 1942 года началась отправка евреев в трудовые лагеря, расположенные в пограничном районе, в этом же году евреев собрали в еврейском квартале Амстердама. С июля по сентябрь оттуда отправляли транспорты на восток через пересыльный лагерь. В феврале 1941 года в Амстердаме была объявлена всеобщая забастовка в знак солидарности с евреями. Немцы привели в действие механизм террора, с помощью которого им удалось в значительной мере подавить сопротивление в Голландии. В то же время евреи проявляли наивность и непонимание опасности положения. Около 115.000 голландских евреев были уничтожены и только 10 тысяч из них остались в живых.

Дания капитулировала без боя, но, защищая евреев, она проявила истинный героизм и самоотверженность. В сентябре 1943 года немцы попытались арестовать 7.000 датских евреев. Эта попытка закончилась почти безрезультатно, потому что датчане не только предупредили евреев о грядущей им опасности, но также помогли им спастись, евреев переправляли по морю в нейтральную Швецию. Из семи тысяч датских евреев были схвачены и отправлены в лагерь Терезиенштадт 467 евреев-стариков.

В Норвегии, где было сформировано сотрудничавшее с немцами правительство, движение сопротивления помогало евреям скрываться и бежать в Швецию. В 1942 году начались массовые аресты евреев, и был создан концлагерь. Норвежский народ и церковь выразили протест против арестов и преследований. Примерно тысяче евреев удалось переправиться в Швецию. Около 725 человек были отправлены немцами в Аушвиц.

В Югославии до войны проживало около 75.000 евреев. Большинство евреев Сербии было уничтожено в этой стране. Евреев Хорватии (где было сформировано фашистское правительство усташей) истребляли в концлагерях или отправляли на восток при деятельной поддержке усташей. Только в итальянской зоне Хорватии представители итальянских властей отказались выдать евреев немцам. Определенному количеству евреев удалось бежать и присоединиться к партизанским отрядам. Общее количество евреев, уничтоженных в Югославии, составляет 55 тысяч человек.

Большая часть евреев Греции была захвачена нацистами, потому что город Салоники, в котором проживало большинство евреев страны, находился в немецкой оккупационной зоне. Из 75 тысяч евреев Греции 65 тысяч были отправлены в Аушвиц.

Власти Болгарии выдали немцам евреев, проживавших на аннексированных территориях. Но отданный в 1943 году приказ о высылке евреев из Софии столкнулся с сопротивлением населения, сорвавшим замыслы властей.

В Румынии, являвшейся покорным приспешником нацистов, до Второй мировой войны проживало 850.000 евреев. На протяжении веков в этой стране были распространены крайние антисемитские тенденции, усилившиеся перед войной. Многие евреи были изгнаны из Румынии за реку Буг и тем самым выданы немцам. В Транснистрии было собрано около четверти миллиона евреев, существовавших в невыносимых условиях голода, скученности и болезней. Когда комиссии Юден-централы удалось, преодолев все препятствия, прибыть в Транснистрию, она нашла там только 77.224 евреев. Позднее, когда предполагаемые результаты войны стали более очевидными и были к тому же получены строгие предупреждения и предостережения извне, румыны стали воздерживаться от продолжения сотрудничества с немцами в истреблении евреев. Около 425 тысяч евреев пали жертвами катастрофы в Румынии в ее старых границах.

В Словакии в период провозглашения «независимости» этого государства-сателлита находилось около 90.000 евреев. План отправки евреев на восток, представленный на рассмотрение правительства, не встретил на своем пути противодействия. Транспорты с евреями доставляли к немецкой границе и передавали в руки немцев. Евреи Словакии были первыми узниками лагерей Майданек и Аушвиц. Несмотря на смелые попытки спасения, предпринятые еврейским руководством, в течение 1942 года в лагерь смерти было отправлено 58 тысяч евреев. В конце 1942 года наступило относительное затишье, отправка транспортов возобновилась с окончанием Словацкого восстания (август 1944 года), и было отправлено еще около 13.000 евреев.

В Венгрии фашистские идеи находили широкую поддержку. Правительство Хорти заключило союз с фашистской Германией. После вступления Венгрии в войну против Советского Союза около 20.000 евреев, граждан Польши и России, были выданы нацистам и отправлены на смерть. Этап истребления начался в Венгрии довольно поздно, когда нацисты окончательно подчинили себе эту страну (в марте 1944 года).

Начиная с этого времени в Венгрии действовал Эйхман со своим штабом, началась «регулярная и планомерная» отправка транспортов в Аушвиц. Около 400 тысяч человек, главным образом из провинциальных городов, были высланы за пределы страны в железнодорожных вагонах и маршами смерти.

Одновременно с механизмом истребления был введен в действие механизм грабежа еврейского имущества. Среди награбленного находилось не только движимое и недвижимое имущество, личные вещи, которые принесли с собой обреченные на смерть, но и золотые зубы убитых. Работа узников также являлась экономическим фактором накопления капитала.

Еврейское сопротивление

Несмотря на тяжелые условия, имели место проявления стойкости и сопротивления, борьбы евреев, находившихся на оккупированных немцами территориях. Известны удивительные примеры взаимопомощи в борьбе за жизнь, примеры самопожертвования и вооруженного сопротивления. Тысячи еврейских матерей отказывались спасти свою жизнь ценой оставления на произвол судьбы детей, тысячи людей добровольно шли на смерть, чтобы до последнего мгновения не расставаться с семьей. В гетто действовало организованное подполье, охватывавшее все сферы жизни. Восстание в Варшавском гетто было первым актом народного вооруженного сопротивления во всей оккупированной Европе. Волнения и попытки восстания имели место также и в лагерях смерти.

Значительного размаха достигла антинацистская деятельность в политическом подполье. На оккупированных территориях нелегально продолжали свою деятельность большинство еврейских партий и молодежных организаций, существовавших в довоенный период. Добровольческие молодежные организации, продолжая дело воспитания молодежи, боролись за ее духовный облик, прививали любовь к Эрец Исраэль. Было создано несколько замаскированных пунктов подготовки к производительной деятельности. Подпольная пресса сообщала о происходившем на фронтах, призывала оказывать сопротивление нацистскому врагу, призывала к единству и коллективной ответственности. Когда началась война, молодежные организации стали посылать своих представителей (особенно девушек) для установления связи с местами сосредоточения евреев и руководства своими товарищами и всем населением. Благодаря этому впоследствии стало известно о массовых убийствах и планах окончательного уничтожения. С началом выселения и массовых убийств резко сузились возможности общественной деятельности в подполье.

Борьба евреев велась в трех направлениях: 1) вооруженные восстания в гетто и в лагерях; 2) побеги и переправка евреев из местечек и гетто в леса для участия в партизанской борьбе; 3) предоставление убежища отдельным лицам и группам, спасение детей. Еврейской вооруженной борьбой в Польше руководила боевая организация, объединявшая в своих рядах членов молодежного добровольческого движения (Дрор, Ахалуц, Ашомер ацаир, Акива, Гордония, Сионистская молодежь); членов Бунда и Поалей Цион; левых и еврейских коммунистов. Высшей точкой этой борьбы было восстание в Варшавском гетто в апреле 1943 года, возглавленное Мордехаем Анилевицем. В Вильнюсе действовала организация, состоявшая из членов Бейтара. Начиная со дней Варшавского восстания действовала и боролась организация, находившаяся под влиянием Бейтара.

Восстание в Варшавском гетто было еврейским народным восстанием против власти нацистов, оно служило примером для евреев в гетто и лагерях. Но другие восстания вспыхнули поздно и были незначительными по своему охвату, что объясняется объективными условиями. Подпольные организации других народов, как правило, не поддерживали евреев. Оружия не хватало. Нацистам часто удавалось заставить евреев врасплох, предотвращая тем самым развертывание восстания во всей его силе. Важным фактором являлось также моральное состояние евреев и их общее положение. У повстанцев не было надежды на победу в борьбе с фашистами и на спасение жизни. Но их борьба обладала глубоким и возвышенным смыслом, общечеловеческим и национальным. Не все были способны на такую борьбу, призванную выразить человеческую солидарность и стремление к высшим ценностям.

В августе 1943 года вспыхнуло восстание в гетто Бялисток, в сентябре 1943 года — в Виленском гетто. В этих гетто действовали на протяжении продолжительного периода ячейки еврейского подполья. Небольшой части повстанцев из Бялостока и Вильны удалось добраться до лесов, и они стали организаторами партизанских отрядов. Героизм и самоотверженность проявляли также узники лагерей смерти. В Трешлинке, где фашисты уничтожали евреев из Варшавского гетто и различных стран Европы, восстание вспыхнуло в августе 1943 года. Три группы узников, занимавшихся сжиганием трупов и сортировкой носильных и личных вещей сожженных, убили своих надзирателей-палачей, захватили склад с оружием, подожгли газовые камеры и бараки лагеря. Это восстание положило конец истреблению «на промышленных основах» в Трешлинке. Несколько сот восставших узников Собибора сумели вырваться на свободу. В Аушвице узники-евреи взорвали одну из установок смерти и пытались бежать.

В 1942-1943 годах наблюдался непрерывный рост рядов еврейских партизан. Евреи приняли участие в партизанской борьбе и в движении сопротивления во Франции. Во Франции и Голландии они участвовали в операциях по спасению детей и переправке их за границу. Евреи активно действовали в подполье и были членами групп сопротивления в Бельгии. Евреи внесли свой вклад в Словацкое восстание, вспыхнувшее

летом 1944 года. Большинство евреев, бежавших в леса Югославии, вступило в ряды партизанской армии, возглавляемой Тито. Евреи приняли деятельное участие в партизанском движении Италии. В лесах Белоруссии и Украины евреи были среди создателей партизанских отрядов и отличились в боях. Говоря о еврейском вооруженном сопротивлении, следует вспомнить о всех тех, кто боролся с нацистами в рядах регулярных армий стран антигитлеровской коалиции. Тысячи евреев сражались в рядах Красной Армии, в рядах армии США, в армиях других стран-союзниц. Были созданы особые части из евреев Эрец Исраэль в рамках британской армии, и среди них Еврейская бригада. Следует отметить, что в ряде случаев процент евреев в этих армиях был выше доли евреев в населении страны.

ИЗРАИЛЬ СРЕДИ НАРОДОВ

Ривка Шарашевски

Отношение народов мира к Израилю в период катастрофы

Говоря о катастрофе европейского еврейства, об уничтожении шести миллионов евреев, следует помнить: многие из них остались бы в живых, если бы государства мира проявили готовность принять беженцев, дать им временное убежище.

Уже в 1938 году мы видим, с каким безразличием отнесся мир к судьбе евреев Германии и Австрии, — об их трагическом положении было известно от тех, кому удалось бежать из гитлеровского ада. Под давлением еврейской общественности и либеральных христианских кругов президент США, Франклин Рузвельт, принял решение созвать межгосударственную комиссию для обсуждения положения беженцев. Наиболее актуальной была в то время проблема спасения евреев нацистской Германии и Австрии.

Комиссия начала свою работу 6 июля 1938 года в городе Эвиане, во Франции. В заседаниях комиссии принимали участие представители тридцати двух стран и сорок одна делегация от различных организаций. Представители австрийских евреев передали комиссии конкретное предложение, исходившее от ставленника рейха, Сейс-Инкварт: продажа иностранным государствам сорока тысяч австрийских евреев, предназначенных для отправки в концлагеря.

Вот часть откликов на это предложение:

Представитель Англии выразил мнение, что нежелательно из-за тридцати или сорока тысяч евреев, которых нужно спасти от преследований, оставлять без внимания болезненные проблемы чехов, поляков, венгров, ведь таким образом можно лишиться их расположения. «Я знаю, — сказал он, — что нас подозревают прежде всего в поддержке стран ислама, но разве не наступит время, когда Франции, а затем и США придется принимать во внимание интересы Европы или стран Латинской Америки?»

Следует отметить, что в те дни британские власти мобилизовали флот, для того чтобы не дать судам с еврейскими беженцами на борту достичь берегов Эрец Исраэль. За период нелегальной эмиграции британские военные корабли задержали 5328 беженцев.

Представитель Швейцарии сделал следующее сообщение: во время Первой мировой войны его страна приняла 15000 детей, среди них много еврейских детей. Теперь же в Швейцарии имеется 10000 безработных, которые обходятся государству в 100 миллионов франков ежегодно. Граждане Швейцарии покидают родину из-за тяжелого экономического положения. В стране проживает 35000 иностранных подданных, что составляет 9% населения, «поэтому мы не можем рекомендовать принять беженцев в нашей стране».

Подобным образом высказались представители Австралии, Новой Зеландии, Эквадора, Парагвая, Ирландии, Венесуэлы.

Франция принесла свои извинения за отказ принять евреев на острове Мадагаскар. Предложение об отправке евреев на Мадагаскар было выдвинуто Гитлером еще в 1935 году, но Франция категорически отвергла это предложение.

Определенные круги в США, и не только круги реакционные, выступили против приема новых беженцев. Среди них находился Союз ветеранов войны штата Нью-Йорк. Взгляды противников эмиграции отличались экстремизмом, они потребовали полностью закрыть ворота страны на десять лет.

Даже президент Федерации американских рабочих высказался против приема беженцев, указывая на большое количество безработных в его стране.

Посланник Боливии сказал: «В 1937 году мы подписали договор с рейхом о разрешении на въезд в страну для трех тысяч немецких подданных — но только арийского происхождения».

Представитель Ватикана выразил мнение, что своими заявлениями Германия только вводит в заблуждение, но на деле она не намерена разрешить евреям покинуть ее территорию ни за какие деньги.

Посол Бразилии сообщил, что его страна уже приняла около 7000 еврейских беженцев. «Некоторое время тому назад, — добавил он, — было введено положение, обязывающее эмигранта приложить к просьбе о разрешении на въезд свидетельство о принятии другой веры и указать в анкете, является ли он арийцем, семитом или монголом».

В качестве исключения следует отметить отношение Доминиканской республики, которая выразила готовность принять беженцев, занимающихся сельским хозяйством, а также определенное количество ученых и специалистов.

На заключительном заседании комиссии американский представитель обратился к участникам со словами благодарности, подчеркнув, что «благодаря успешной совместной работе и духу солидарности, которым были проникнуты все участвовавшие в работе комиссии, нам удалось привести в действие механизм, который позволит облегчить судьбу несчастных». Тем временем 40000 евреев Австрии были отправлены в концлагеря. Их судьба, как и судьба тысяч их братьев, известна всем.

Проф. Хаим Вейцман сказал в те дни, что мир разделился на два лагеря: страны, не желающие иметь у себя евреев, и страны, не желающие пустить их к себе.

Швейцария, известная в мире как страна, предоставляющая временное убежище лицам, вынужденным покинуть родину из-за политических или религиозных преследований, закрыла свои ворота перед евреями. Эти действия были продиктованы новым законом от 4 октября 1938 года, гласившим: подданные Германии, чье происхождение согласно Нюрнбергским законам не является арийским, смогут пересечь границу Швейцарии только в том случае, если их паспорта будут снабжены визами посольства Швейцарии в Германии. Этот закон был распространен на обладателей австрийских паспортов, а позднее также на беженцев из Франции, Бельгии и Италии. Для того, чтобы чиновники в посольстве и на швейцарской границе могли отличить беженца неарийского происхождения от арийца, швейцарская полиция предложила германским властям снабдить паспорта, выдаваемые евреям, буквой «J» размером в три сантиметра на первой странице паспорта, вверху. «Это избавит арийца от неприятностей и облегчит ему получение швейцарской визы, чтобы он мог беспрепятственно пересечь швейцарскую границу».

В октябре 1938 года было принято решение выслать из Швейцарии беженцев, прибывших в страну нелегальным путем. Для этого пограничная охрана должна была задержать всех беженцев, находившихся в пограничных областях, и вернуть их на территорию Германии. В распоряжении начальника отдела полиции, занимавшегося иностранными подданными, указывалось, что беженцы, прибывшие в Швейцарию из-за расовых преследований, как, например, евреи Франции, не относятся к политическим беженцам, которым предоставляется временное убежище в Швейцарии. В июне 1940 года более 7000 беженцев были возвращены во Францию. По официальным данным в Германию выслали 3344 еврейских беженцев, в которых швейцарские власти отказались признать политических беженцев; многие евреи, ожидавшие отправки в Германию, покончили жизнь самоубийством.

Действия Красного Креста также не свидетельствовали о том, что это организация спасения. Представители Красного Креста ответили отказом на просьбу попытаться оказать влияние на правительство Германии. Они заявили, что еврейский вопрос не входит в круг их полномочий, ибо евреи не являются ни военнопленными, ни заключенными, гражданами враждующей стороны. А один из представителей Красного Креста отклонил все жалобы, утверждая, что его организация не вправе вмешиваться во внутренние дела страны, являющейся одной из сторон в военном конфликте, и что его организация призвана служить всему человечеству.

Тех немногих евреев, которым удалось остаться в Швейцарии, отправили в лагеря. Условия жизни этих беженцев были тяжелыми, угнетающими, вселяющими страх. Комендант лагеря Гейсхоф, нацист, один из вождей гитлеровской молодежи в Германии, жестоко издевался над своими «подопечными».

В январе 1943 года глава польского правительства в Лондоне, генерал Сикорский, прибыл в Мексику и подписал с президентом договор о разрешении на въезд в страну 10000 польских беженцев. Когда об этом стало известно представителям евреев в польском правительстве в изгнании, они пытались добиться, чтобы в это число включили также польских евреев. Они обратились к еврейским организациям в Мексике, к представителям Всемирного конгресса и к организациям спасения с просьбой приложить все усилия для того, чтобы увеличить процент евреев-беженцев. В конечном счете в Мексику вместе с польскими беженцами прибыли двадцать семь евреев. К тому же каждый из них в отдельности должен был до прибытия в страну дать подписку в том, что его пребывание в эмиграции не будет бременем ни для правительства Мексики, ни для правительства Польши в изгнании.

Несколько сотен евреев Германии, которым новый закон преградил путь в Швейцарию, приняли решение ехать на Кубу. Благодаря значительным суммам им удалось получить разрешение на временное пребывание на Кубе. В мае 1939 года судно «Сент Луис» вышло в море с 930 пассажирами на борту, 734 из них имели разрешение на въезд в Америку. Когда они приблизились к Гаване, власти запретили евреям спуститься на берег, утверждая, что они якобы подделали документы. Судну пришлось покинуть территориальные воды Кубы. Пассажиры обратились за помощью к еврейским организациям, таким как Джойнт и Всемирный конгресс. Телеграмма, отправленная президенту Рузвельту, осталась без ответа. Вместе с тем американские власти позаботились о том, чтобы «Сент Луис» не подошел слишком близко к берегам США. Без ответа остались также обращения к нескольким южноамериканским странам с просьбой позволить беженцам сойти на берег. Все это вынуждало евреев вернуться в гитлеровскую Германию, на верную гибель. Когда они

находились уже в европейских территориальных водах, пришла желанная помощь — благодаря усилиям Джойнта в Европе удалось найти для несчастных временное убежище в Голландии, Франции, Бельгии и Англии.

Швейцария и на этот раз осталась непреклонной и, руководствуясь своими новыми законами, отказалась принять беженцев с «Сент-Луиса».

Подобным же образом разыгрались события с судном «Кениг-штайн» с 165 беженцами из Западной Европы на борту.

В конце 1940 года из Болгарии в Израиль отплыло судно с 362 "еврейскими беженцами на борту. В Стамбуле судно задержалось на семь дней из-за того, что ему не позволяли подойти к берегу. Выйдя в открытое море, оно потерпело кораблекрушение, большинство пассажиров погибло.

В 1941 году из Констанцы в Эрец Исраэль отплыло судно «Струма» и в течение десяти недель находилось в открытом море. Правительство Турции не позволило ему войти в порт Стамбула и оставаться там до получения сертификатов. Англия отказалась выдать спасительные сертификаты. В феврале 1942 года «Струма» с 769 пассажирами на борту затонула.

Такая же участь постигла пассажиров судна «Патрия», они погибли, так как англичане не разрешили им сойти на берег в Хайфе.

Двадцати тысячам еврейских детей из Германии было отказано в разрешении на въезд в США в 1938-1939 гг. Один из конгрессменов заявил, что если принять этих беженцев, почему бы не открыть ворота США перед двадцатью тысячами маленьких китайцев, которые страдают от голода. Другой конгрессмен доказывал, что это только усилит антисемитизм в стране. Президент Рузвельт не утвердил закон об эмиграции детей и тем самым вынес приговор, судьба детей была решена.

Со смешанным чувством удивления и благодарности вспоминаем мы об отношении к евреям со стороны франкистской Испании и фашистской Италии, много сделавших для спасения евреев. Также и Финляндия, союзница Германии, не выдала ей своих евреев.

Франко, верный сторонник Гитлера, содействовал спасению евреев. Согласно указу от 1924 года всякий еврей, потомок испанских изгнанников 1492 года, имел право на испанское гражданство и находился под защитой правительства Испании. Франко приказал своим представительством в Европе выдавать евреям документы, подтверждающие их испанское гражданство. Этим правом воспользовались в первую очередь евреи Испании и Голландии, Греции и других балканских стран, захваченных нацистами. В Голландии 370 евреев-сефардов, так называемых португальцев, были спасены от уничтожения, они покинули страну благодаря договоренности между Франко и Гитлером. Небольшая группа евреев-сефардов, не успевших выехать, была отправлена в 1944 году в Аушвиц.

Законом, принятым правительством Франко, воспользовались не только евреи-сефарды, но также и евреи Франции, которым удалось пересечь испанскую границу. Пограничная охрана не мешала им в этом, чиновники не проверяли по документам, являются ли они потомками испанских изгнанников или нет.

В начале 1941 года Гитлер убеждал Франко выдать ему евреев, проживавших на территории Испании, а когда его попытки не увенчались успехом, он настаивал на введении в стране Нюрнбергских законов. Но и эти попытки остались безрезультатными. Католическая церковь поддерживала Франко. Однако Гитлеру удалось добиться официального запрета на въезд в Испанию для мужчин (евреев и христиан) моложе 45 лет, т.е. для мужчин в призывном возрасте. Выход из затруднительного положения был найден быстро — мужчины доставали документы, в которых указывался нужный возраст, и пересекали испанскую границу.

В январе 1943 года 367 евреев из Греции, находившихся в концлагере, получили от немцев разрешение выехать в Барселону (согласно указам Франко об испанском гражданстве евреев-сефардов), а оттуда они через Касабланку прибыли в Эрец Исраэль.

Фашистская Италия также много сделала для спасения евреев. Министерство иностранных дел Италии отдало распоряжение не препятствовать въезду беженцев в страну. Итальянский представитель при правительстве Виши направил письмо протеста и выразил недовольство арестами евреев на оккупированных Италией французских территориях. Был отдан приказ положить конец подобным мерам. Итальянцы приложили усилия для спасения евреев Кroatии, часть из них переправили на территорию, занятую итальянцами, часть — в саму Италию. Итальянцы старались также спасти и переправить на свою территорию евреев Болгарии, оккупированной немецкими войсками. Многие греческие евреи получили фиктивные документы и благодаря этому перешли на территорию, занятую итальянской армией. Итальянские солдаты оформляли фиктивные браки с женщинами-еврейками, чтобы предоставить им убежище в безопасном месте. Между итальянскими и немецкими солдатами происходили столкновения, когда итальянцы присутствовали при отправке транспортов в Аушвиц.

Следует также вспомнить добром правительства и население Швеции, Дании, Голландии и Финляндии, спасшие многих евреев.

Швеция приняла датских евреев, переправленных туда датчанами, чтобы предотвратить их истребление. Финляндия, хотя она и была союзницей Германии, не выполнила требование немцев выдать евреев, жителей страны.

Зная, сколько человеческих жизней удалось спасти тем, кто хотел спасать, мы с ясностью видим, что сотни тысяч, а, возможно, и миллионы евреев могли остаться в живых, если бы народы мира оказали им поддержку и помощь.

Однако враждебное отношение к нашему народу не прекратилось и после катастрофы, после разгрома фашистской Германии. В Польше еврейских беженцев выбрасывали из вагонов, передавали в руки антисемитски настроенного подполья. В отдаленных польских местечках и селах убивали возвращавшихся туда евреев. Погромы имели место также и в больших городах. По данным польского правительства в ноябре 1944 — октябре 1945 гг. в стране были убиты триста пятьдесят евреев. Другие были избиты, ранены, ограблены. Антиеврейские волнения вспыхнули в Кракове 20.8.1954 года, в Любляне 19.11.1954 года. В 1946 году беспорядки приняли характер эпидемии, когда 175 тысяч евреев возвратились из Средней Азии, куда они бежали, спасаясь от войны и истребления.

ЕВРЕИ, ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ И КАТАСТРОФА

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАПОВЕДЕЙ И ЗАБОТА О СПАСЕНИИ ЖИЗНИ

Гилель Зайдман

Большинство учащихся в религиозных школах («хедер» и «талмуд-тора») осветили имя Божье и погибли святой и чистой смертью. Немногие оставшиеся в живых рассказывают об удивительных проявлениях героизма, о готовности юношей и девушек пожертвовать всем ради исполнения заповеди Торы, как этому учили их родители и учителя. Среди них были такие, кто взамен тфилин отдавал свои хлебные пайки, хотя отказ от хлеба означал верную гибель.

В одном из трудовых лагерей мальчик обратился к раввину со следующим вопросом: у него есть возможность получить работу на кухне, где варят фасолевый суп для евреев (в день еврей получал сто грамм хлеба и этот суп), но тогда ему придется работать по субботам. Поэтому он спрашивает, можно ли ему будет ради спасения жизни есть суп и в субботу, хотя суп сварен в субботу, а это запрещено...

В детском бараке лагеря Аушвиц, в одном из углов ежедневно собирался миньян для молитвы. Один из оставшихся в живых узников рассказывает: «Благодаря молитве в миньяне и исполнению заповедей возникли дружеские связи между заключенными. Одинокая свеча, зажженная в бараке в ханукальную ночь, надолго осветила сердца». Несколько подростков из гетто Ковна проявили мужество, чтобы исполнить самим и дать возможность другим исполнить заповедь цицит. «У нас не хватало молитвенных принадлежностей. Мы были заперты в стенах гетто, всякого, кого уличали в связи с евреями за пределами гетто, немцы карали смертью, и поэтому не было никакой возможности получить цицит извне. Но и в те дни юноши из «Тиф'эрет бахурим» заботились об исполнении заповеди цицит. После длительных поисков один из них обнаружил немецкий склад и сумел выкрасть оттуда немного шерсти и тайком доставить ее в гетто, чтобы сделать из этой шерсти нити для цицит. Все, участвовавшие в операции, рисковали жизнью и были готовы к этому, но они боялись, не связано ли исполнение заповеди с нарушением закона, ведь шерсть была выкрадена. Они обратились с вопросом к раввину, и велика была их радость, когда рабби разрешил им изготовить цицит. Четырнадцатилетний мальчик, по имени Лейбеле, подвергся в Аушвице наказанию пятьюдесятью ударами резиновым шлангом за то, что он передал своим друзьям несколько молитвенников».

Другой мальчик рассказывает, как ему удалось достать маленький молитвенник, — он получил его от одного еврея из «зондеркомандо». На молитвеннике была печать владельца, лесоторговца из Венгрии, который пронес его с собой в Аушвиц. У детей было много молитвенников и маленьких Пятикнижий, и еще полпары тфилин, то есть только тфилин для руки, который целый день переходил от одного к другому. Молились, возложив тфилин. «Я не знаю точно, — говорит юноша, — как эта филактерия попала в лагерь. Мы хранили ее у себя на нарах. Целый день была очередь, многие хотели возложить тфилин».

«Однажды обменяли на буханку хлеба книгу мишнайт и учились по этой книге. Одна группа занималась почти как положено в течение всего дня. Многие соблюдали кашрут, и всякий, кто знает, в каких условиях мы находились, понимает, с какими трудностями им приходилось сталкиваться. Они не ели ничего кроме хлеба и маргарина, и подобные случаи не были единичными. И это были совсем еще дети, лет тринадцати».

Рабби Ицхак Гирш Майзелс, раввин лагеря смерти Берген-Бельзен, также был свидетелем самоотверженности подростков при исполнении ими заповедей. В своей книге «Освятившие имя Божье» он увековечивает мужество юноши, выразившего готовность идти в газовую камеру для того, чтобы спасти товарища, который, по его мнению, превосходил его своими способностями и знанием Торы.

Среди 1600 детей, которые были собраны в лагере и ждали, когда настанет их черед быть убитыми, находился мальчик, выделявшийся своим знанием Торы и благочестивостью — Моше Розенберг. Когда настал его черед, к раввину подошел мальчик лет пятнадцати и задал ему вопрос:

«Рабби, как же Мойшеле? Неужели Мойшеле сожгут, а мы будем молчать?» И раввин ответил ему: «Разве ты знаешь, как можно его спасти?» — «Да, — сказал мальчик возбужденно, — да! Я пойду вместо него, я приму это с радостью — буду жертвой вместо него!» Его вопрос заключался в том, допустим ли такой поступок согласно Закону.

Разумеется, раввин не согласился предпочесть душу душе. Через несколько минут мальчик вернулся и снова заявил раввину, что он не находит покоя и не может согласиться с тем, чтобы Моше отправили в крематорий, поэтому он решил заменить его собой, даже если не получит разрешение на это. Он только просит раввина подтвердить, что он не самоубийца, у которого нет удела в мире грядущем.

«Я не могу заверить тебя в этом, — ответил раввин, — человек не вправе выбирать для себя жизнь или смерть. Ему не дозволено отказываться от жизни, пока он может жить».

С большим трудом удалось раввину убедить юношу не идти добровольно в крематорий.

«СТОИЛО...»

(Из свидетельских показаний Залмана Клайнмана на процессе Эйхмана)

Однажды, лежа на нарах в детском бараке в Аушвице, я увидел, как надзиратель идет бить кого-то толстым резиновым шлангом, Я спустился с нар, чтобы посмотреть, кого собираются бить. Били за все, а количество ударов зависело от проступка. Начиная с того дня стали пользоваться резиновым шлангом. До того обычно пользовались палкой, которая часто ломалась во время порки, поэтому ее заменили резиновым шлангом, и мне хотелось видеть, как он действует, может, и мне придется когда-нибудь повстречаться с этой резиной.

Надзиратель подошел к нарам, а мальчик, который лежал там, уже ждал его. Он сказал: «Слезай», и когда тот спустился, нагнулся и начал бить его. Мы стояли вокруг и смотрели, и каждый считал удары. Мальчик не плакал, не кричал, даже не стонал. Нас это очень удивило, мы не знали, что происходит... Уже больше двадцати пяти ударов — обычно наказывали двадцатью пятью ударами — больше тридцати. После сорокового удара надзиратель перевернул его и стал бить по ногам и по голове. Мальчик не стонал, не плакал, — ни звука. Ему было лет четырнадцать, и он не плакал.

Солдат был в ярости; нанеся пятидесятый по счету удар, он ушел. Мы подняли мальчика. Помню на лбу у него было большое красное пятно от удара шлангом. Мы спросили, за что его били. Он ответил: «Стоило терпеть. Я принес моим товарищам несколько молитвенников». Больше он не сказал ничего, забрался на нары и сел на них.

БЛАГОДАРЯ ТФИЛИН

(из книги Моше Брехтфельда «Краков—Нью-Йорк»)

На протяжении всех лет бедствий, гонений и скитаний мы оставались вместе, я и мой брат Мендель, превзошедший меня в знании Торы и в богобоязненности. Мы оба заботились о том, чтобы сохранить тфилин, и хотя мы подвергались тяжким испытаниям, нам помогали с небес, и почти не было дня, когда бы мы не возложили тфилин.

...Пунктом назначения была станция Грос-Розен. От станции до лагеря мы бежали. Такого «приема» никто не ожидал. Мы были среди первых евреев, прибывших в лагерь. Нас тщательно обыскали и, разумеется, отняли все, включая тфилин. В конце обыска брань сопровождалась пинками и ударами, на этом завершилась «церемония приема», и мы стали полноправными обитателями лагеря...

У брата была одна забота, одна мысль сверлила мозг: как достать тфилин? Он отправился на поиски и нашел заключенного-поляка, который работал в крематории и сжигал оставшиеся ненужные вещи. Мендель решил, что не будет есть, пока не возложит тфилин, и тотчас предложил поляку свою порцию хлеба в обмен на пару тфилин.

Поляк согласился и принес нам пакет, в котором был маленький молитвенник и тфилин. Но тфилин он отобрал сам из груды вещей на полу, и пара была составлена из двух ручных тфилин... С большим трудом удалось объяснить ему, что он должен отыскать и принести тфилин «с двумя шнурками», с двумя кожаными ремешками. За свои труды он получил еще одну порцию хлеба, а мы получили тфилин.

В бараке нам удалось найти надежный тайник для пары тфилин. Спустя два дня капо делали тщательный обыск, но тфилин не нашли. Ежедневно около пятидесяти евреев произносили благословения над этой парой тфилин. Мы становились в ряд, а за этой живой стеной находились молящиеся. Тфилин снимали тотчас после «Слушай, Израиль».

Однажды пришел капо и стал умолять нас, чтобы ему тоже позволили возложить тфилин, он «испытывает угрызения совести, и душа его жаждет исполнить заповедь». Мы не могли отказать ему. Он взял тфилин и не возвратил. Позже выяснилось, что он продал их за большие деньги в соседнем лагере. Но произошло чудо: в лагерь прибыла новая партия заключенных, и среди новоприбывших — редкой души человек, реб Липа Лебкович, которому удалось пронести с собой пару тфилин.

Через некоторое время нас перевели в другой лагерь, в котором находилось около двух тысяч евреев из Мункача и из других мест. У них не было ни одной пары тфилин. В этом лагере, вероятно, около 500 евреев ежедневно произносили благословение над нашей парой тфилин.

Молящихся было так много, что пару тфилин пришлось разделить на две части. Выстраивалась очередь, один произносил благословение над головным тфилин, другой — над ручным. Каждый произносил только

одно благословение, потому что иного выхода не было. Лучше, чтобы все исполнили заповедь частично, чем чтобы немногие исполнили заповедь полностью. Это было для нас эликсиром жизни.

Вспоминаю еврея из Мункача, реб Аарона Вайдера, который поднимался в два часа ночи и будил меня, чтобы я дал ему тфилин. Он возлагал тфилин и долго молился. В три часа ночи уже собиралась очередь для возложения тфилин, и так продолжалось обычно до 5.30 утра, до проверки. Мы брали с собой тфилин на работу, и там десятки евреев пользовались коротким обеденным перерывом для того, чтобы исполнить заповедь.

В этом лагере с нами произошел случай, грозивший большими бедами, но кончившийся благополучно. Офицер СС из лагерной охраны застал одного из нас за возложением тфилин. Он сорвал тфилин с головы молящегося и приказал охранникам барака организовать «особый церемониал» сожжения тфилин на глазах у всего лагеря. Мы подкупили надзирателя, и он заменил тфилин «эрзацем», который мы приготовили для этого. В лагере была столярная мастерская, мы попросили, чтобы нам сделали из дерева два небольших кубика, выкрасили их в черный цвет, прикрепили кожаные ремешки, и это было представлено для «публичной церемонии сожжения тфилин».

На одной из станций во время наших скитаний по лагерям брат заболел, он очень ослабел, потому что строго соблюдал законы о кашерности пищи. Менделя забрали в больничный барак, и тфилин он взял с собой. Не только я, но и многие другие заключенные ходили к нему, чтобы возложить тфилин.

Брату грозила смертельная опасность: он был одним из «лишних», отобранных для отправки. Я вызвался ехать вместе с ним, и врач, голландский еврей, предупредил меня: «Знаешь ли, куда их везут? В Аушвиц, в крематорий»... Я знал об этом, но не мог расстаться с братом, оставить его одного после того, как мы столько пережили вместе. Я стал умолять врача, и он согласился внести мое имя в список отправляемых, но, к счастью, партия не была отправлена, потому что Красная Армия освободила лагерь Аушвиц. Все говорили, что чудо произошло благодаря исполнению заповеди тфилин...

Я не сомневаюсь в том, что нам, мне и брату, помогла эта заповедь. В последний день войны, 8 мая 1945 года, произошло чудо. Тфилин были спрятаны у брата, рано утром я подошел, чтобы взять их. Я заговорил с ним, но он не ответил, он лежал без сознания. Я стал тормошить его, но он не двигался. У меня потемнело в глазах. Что делать? Я тоже был очень слаб, ноги опухли, силы были на исходе. Я входил в группу могильщиков, мы работали тяжело, до изнурения. Вначале нас было несколько тысяч евреев, а осталось только триста.

Выйдя из барака, я заметил проезжавшую мимо меня повозку, на которой развозили продукты, и увидел, как из нее что-то упало. Я бросился к тому месту, это была драгоценная находка — кусочек сахара! Но разве одного кусочка сахара хватит, чтобы спасти умирающего брата? Размышляя об этом, я встретил поляка, политического заключенного, которому выдавали довольно много хлеба. Я предложил ему обмен: несколько кусков хлеба за кусок сахара. Взяв хлеб, я побежал к брату, лежавшему в бараке. Когда он пришел в себя, он захотел раньше возложить тфилин, а уже потом есть хлеб.

В этот день мы молились с особым волнением. Это был последний день войны.

БЛАГОДАРЯ МОЛИТВЕННИКУ

(из книги Моше Зандберга «Бесконечный год»)

В Дахау у меня появился новый товарищ, Иосеф Маркович (теперь он житель Меа Шеарим в Иерусалиме), он пришел из среды, резко отличавшейся от той, в которой рос я. Я никогда не подумал бы, что мы можем привязаться друг к другу. Он пришел из глубоко религиозной среды и до конца сохранил внешний вид учащегося ешивы — бороду и пейот. Он был известен среди нас поступком, совершенным им в Дахау во время сдачи вещей. Когда мы стояли голыми перед столом регистрации, держа в руках только обувь, он отважился, несмотря на угрозы и страх, спрятать что-то в своих ботинках — не деньги, не драгоценности, а маленький молитвенник, с которым он не хотел расстаться ни в коем случае.

По этому молитвеннику он молился, берег его как зеницу ока, пока не попал в больницу. Там его раздели, когда он был без сознания, и он не смог уберечь молитвенник. И произошло чудо — маленький скромный человек, ни разу не «организовавший» для себя добавочной порции пищи, остался в живых; по его словам — благодаря молитвам. Я же думаю, что он выжил потому, что всегда стремился быть человеком, сохраняя свою духовную и нравственную чистоту.

ИЗУЧЕНИЕ ТОРЫ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО

Яков Шел'ав

Утром ко мне пришли два парня из учащихся ешивы и сказали: «Мы собираемся сегодня в пять вечера на улице Налевки, 35. Приходи и ты».

Итак, без пяти минут пять, я подхожу к воротам дома № 35 по улице Налевки. Парень с еврейской шапкой на голове стоит уже, ожидая меня. Он увидел меня и сказал: «Идем». Он идет впереди, я за ним. Прошли один двор, второй, третий, спустились в глубокий подвал, долго шли и, наконец, вышли на улицу. Поднялись в маленькую комнату на верхнем этаже, оттуда по лестнице на чердак. Мы шли по каким-то коридорам, протискивались в щели, пока не оказались на улице Заменгоф, 38. Мы вошли в дом, в котором находилась семинария, прошли в комнату, где стояла печь. Мой спутник залез в печь и исчез. Я же остался стоять снаружи, но он позвал меня: «Иди сюда», и я вслед за ним протиснулся в печь. Там был пролом,

через который спускались в подвал по веревочной лестнице. Я увидел просторную чистую комнату, освещенную электричеством. У стен стояли длинные скамьи, посреди комнаты — длинный стол, сколоченный из струганных досок.

Меня провели в маленькую темную комнату, там мне показали электрическую и газовую плиты, а в шкафу — съестные припасы. Я спросил, на сколько дней хватит этих припасов. И мне ответили, что все рассчитано на сто двадцать человек на восемь месяцев

Итак, я находился в бункере.

Некоторые слова приобрели в гетто новое значение, новое содержание. Бункер у немцев означает «долговременное огневое сооружение», из которого ведется огонь по врагу. В гетто слово «бункер» означало жилище под землей на глубине нескольких этажей, с тщательно замаскированным входом.

Бункер, в котором я находился, построили еврейские инженеры под развалинами взорванного дома. Снаружи были видны только груды кирпичей, ворота и обломки стен, оцепленные колючей проволокой. Никто не мог догадаться, что здесь, в чреве земли, живут люди.

Затем меня провели в другую комнату. Увиденное мною напоминало рассказы о *танаим*, изучавших Тору в пещерах, и о *маранах* в Испании.

Вокруг длинного стола сидят, склонившись над раскрытыми фолиантами, учащиеся ешивы, они отдаются учению с желанием, вниманием и воодушевлением.

Бледные лица, блестящие глаза. Они как бы находятся в ином мире. Большинство из них лишились родителей и близких.

Оказывается, что ешива считается «квартирсыемщиком» у инженеров, строителей бункера. Вначале они неодобрительно смотрели на парней, ревностных в учебе, которые не желали отказываться от своих еврейских шапок и длинных пейсов. Но затем они стали присматриваться к своим «жилцам» с любопытством и, наконец, почувствовали симпатию к настойчивости парней и начали относиться к ним с уважением.

Один из инженеров, ассимилированный еврей, рассказывал мне о том, как ешиботники заняты учением ночи напролет, как они молятся «совсем как в синагоге», как они поют по субботам застольные песнопения. Он даже стал напевать мне известные хасидские напевы, которые он успел выучить здесь, в бункере, пересказал мне хасидские рассказы, впитанные его «ассимилированным» мозгом. Я почувствовал, что он говорит с уважением и немного с завистью.

«Им, — сказал он мне, — известно, за что они страдают».

«Благо тебе, рабби Акива, что ты был схвачен за слово Торы,» — ответил я ему словами благословенной памяти наших мудрецов.

ДЕТИ И КАТАСТРОФА

Гилель Зайдман

На всех этапах кампании уничтожения было очевидным, что нацисты ведут борьбу против детей. Начиная с подготовительных мероприятий для уничтожения сложившейся системы общественной жизни в общинах Польши до методичного истребления голодом всего еврейского населения (от чего прежде всего страдали дети), немцы в первую очередь обрушились на еврейское воспитание и образование, намереваясь подорвать духовные и этические устои молодого поколения. С особой жестокостью боролись они против воспитания в хедере, в религиозной еврейской школе, яростно преследуя верующих детей, чей вид и выражение лица выдавали их иудейскую сущность, говоря: «Мы здесь, нас не одолеть!»

С целью маскировки воспитание в духе Торы представляли как один из видов «социальной помощи». Задача еврейской взаимопомощи заключалась в том, чтобы восполнить недостающее для воспитания и обучения — не было ни школ, ни общежития для детей.

Учителя сами собирали своих учеников, проводили занятия для групп, состоящих из нескольких человек. Джайнт и еврейская взаимопомощь предоставили впоследствии необходимые средства. Были найдены квартиры, подобраны внешние формы, призванные скрывать от посторонних происходящее в действительности. Одной из таких форм служили «детские углы», созданные почти в каждом доме или в группе соседних домов.

Хедер и талмуд-тора не имели никаких внешних форм прикрытия. Они действовали, скрываясь от врагов в тайниках и в труднодоступных местах. Часто в подворотнях домов стояли дети, наблюдая за происходящим вокруг, чтобы предупредить о приближении немцев тех, кто занимался изучением Торы.

Отчет о положении в гетто Петраков свидетельствует о готовности родителей и учителей рисковать жизнью ради изучения Торы: «Занятия проводились в двух маленьких узких комнатах. Одна из комнат была заставлена домашней утварью, трудно было пройти между вещами. В другой комнате на двух ящиках у спинки металлической кровати сидели восемь мальчиков. У другой спинки кровати, упирающейся с одной стороны в стул, а с другой в служивший столом подоконник, на котором лежали книги, стоял молодой человек с маленькой кипой на голове — учитель. Везде удивительно чисто. Учитель объяснил мне, что дети занимаются с девяти часов утра до трех часов дня с небольшими перерывами. «Нам тяжело, очень тяжело, но, — добавил он, — нет выбора: еврей обязан изучать Тору, он обязан жить даже в таких условиях».

Ученики сами заботились о своих книгах, они приходили на занятия, пряча книги под одеждой. Учителя предупреждали их о связанной с этим опасности, но дети презирали смерть, выражая готовность отдать жизнь за слово Торы, погибнуть, освящая имя Божье.

Но среди детей нередко встречались и такие, кто был не в силах подвергать себя опасности ради изучения Торы. Многих из них голод лишил рассудка и веры. Выбравшись из гетто, они бродили по улицам города в поисках пищи.

Очевидец-нееврей, покинувший Варшаву в 1941 году, так рассказывает об этих бездомных уличных детях, постоянно находившихся в погоне за куском хлеба: «Много еврейских детей в возрасте семи-десяти лет, которым удалось бежать из гетто, бродят по улицам города и просят милостыню у поляков. Мне нередко случалось встречать таких детей, лишившихся человеческого облика. Они выглядят как привидения — грязные, полуголые, обросшие. Взгляд их глаз невозможно забыть, взгляд преследуемых зверей в последнее предсмертное мгновение».

Один из молодых учеников ешивы «Эц Хаим» в Иерусалиме обратился к детям гетто со стихотворением:

Вы лишились, малые братья мои, всего, что было у вас,
Лишились ласки отцовской и материнской доброй любви,
Лишились теплого дома, тихого крова надежного —
Лишились всего, мои братья, но не лишитесь Бога.

Продолжая плач-утешение, юный автор говорит о том, как души погибших отцов приходят и вызывают к детям:

Смотрите, смотрите, дети, перерезаны наши шеи,

Смотрите, смотрите, дети, опалены черепа —

Ничему не дивитесь, ведь все так просто:

Мы в крови нашей живем, так пролагаем пути

Для сути Божественной вечной, а вы — неужели Его покинете?

И он завершает свое обращение к детям гетто словами благословения и поддержки:

Не плачьте же, дети!

Еще устремится ввысь ваша радость бурлящая.

На губах расцветет улыбка,

Не познаете больше сиротства, потерь и голода,

Не познаете — только дождитесь его, Спасителя,

У дорог вы стойте и ждите, прохожих о нем вопрошайте,

Вслушайтесь в шелесты, в звуки,

Даже если он медлит, ждите,

Ждите, и он придет, ждите!

ОСВЯЩЕНИЕ ИМЕНИ ПРЕВЕЧНОГО ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

ОСВЯЩЕНИЕ ИМЕНИ БОЖЬЕГО

Мордехай Элиав

1.

События периода катастрофы европейского еврейства потрясают и вызывают растерянность. Размеры пережитого бедствия, мера жестокости и злодеяния не доступны для понимания, но человек стремится найти объяснение и логическое истолкование произошедшего. Особенно велика растерянность среди верующих евреев, желающих постичь пути Провидения, давшего преступникам стереть с лица земли большую и лучшую часть народа в странах Европы, включая центры Торы и еврейской мысли, существовавшие на протяжении веков. Сторонники одной из крайних точек зрения видят в катастрофе кару за тяжкий грех, совершенный и народом Израиля, главным образом за уступки соблазнам движения просвещения и эмансипации в Европе, за ассимиляцию среди неевреев и их культур, что привело к примирению с изгнанием и отказу от возвращения в Сион. Придерживающиеся этой точки зрения полагают, что источником бедствия явилась именно та страна, Германия, где была пробита брешь в стене верующего еврейства.

Верующий еврей знает, что универсальным принципом управления миром являются правосудие и милосердие. Но возникает вопрос, в наших ли силах делать из общего выводы для каждого конкретного случая, действия и события в наши дни, после того, как пророческий дар покинул Израиль? Имеем ли мы право, исходя из этого принципа, давать объяснение цепи реальных исторических событий? И отважится ли кто-либо заявить теперь, что намерения Творца и планы Провидения понятны ему в такой мере, что он может дать оценку всему произошедшему с точки зрения религии или вынести ему приговор истории? Существует опасность, что дающий оценку припишет путям Провидения свое мировоззрение и свои помыслы. В конечном итоге не в наших силах постичь пути Провидения в мире согласно нашим понятиям о правосудии и милосердии. Поэтому многие мыслители полагают, что следует отказаться от рационального

объяснения катастрофы, что даже, не найдя ответа на вопрос, нужно быть сильными и непоколебимыми в вере — как Иов, беспредельно верящий в Господа, не зная, в чем смысл страданий. Следует примириться с фактом, что катастрофа — страшная, мучительная загадка, которую мы не можем разгадать. Перед верующим евреем стоит вечная проблема правосудия и воздаяния в мире: «праведник, и плохо ему». Но несмотря на это он призван выдержать испытание и крепиться в своей вере. Нам кажется, что знание подробностей катастрофы служит именно тем источником, из которого верующий еврей черпает силы.

2.

Изучение воспоминаний и свидетельских показаний евреев о днях катастрофы способно изменить критерии и масштабы, принятые в понимании этого периода истории, и выдвинуть вместо них другие величины для оценки поведения святых и праведных и побудить читателя взглянуть на произошедшее под новым углом зрения. Вот, например, ключевое понятие в изучении многих глав истории Израиля — «освящение имени Божьего» в его общепринятом историческом значении: возможность выбора между принятием чужой веры и смертью, решение погибнуть, но не нарушить заповедь. Примеры такого освящения имени вызывают у молодежи душевную солидарность с героями, освящающими имя Господа. Но подходя к катастрофе европейского еврейства с теми же мерилami оценки, они разочаровываются. Трагедия заключается в том, что святые катастрофы не погибли ради освящения имени Божьего согласно историческому значению этого понятия. У них не было выхода, не было выбора. На этот раз даже принятие чужой веры не спасало жизнь. Напротив, нацисты насильно возвращали в еврейское общество ассимилированных евреев и вероотступников. Еврейская религиозная и культурная жизнь была связана со смертельной опасностью, но отказ от нее также не приносил спасение.

В отличие от концепции выбора в освящении имени Божьего складывается (основанное на описаниях оставшихся в живых) понимание героизма освящения имени в новом и особом его значении для периода катастрофы: освящение жизни. Евреи ставили перед собой цель сорвать планы врага, который с дьявольской методичностью планировал их полное и окончательное уничтожение. Покойный раввин Нисенбойм заметил эту тенденцию и определил ее как «освящение жизни». «... в гетто часто повторяли слова раввина Ицхака Нисенбойма: «Это час освящения жизни, а не час освящения имени Божьего смертью. Раньше враги посягали на душу, и еврей жертвовал своим телом для освящения имени Божьего. Теперь же враг посягает на еврейское тело, и долг еврея — защищать его, беречь свою жизнь. В прежние времена евреи освящали имя Божье смертью, в наше время мы обязаны освящать жизнь». Один из оставшихся в живых свидетельствует, что «действительно в жителях гетто поднималось могучее желание жить, изобилующее скрытыми силами, равным которым нет в нормальной жизни. Это желание жить проявлялось и в области культуры. Замыслу Гитлера уничтожить, стереть с лица земли противостояла воля евреев к жизни...»

Об этом говорит и другое свидетельское показание: «Именно в те последние дни пробудилась сильная, неутолимая жажда жизни... Быть может, за этой жаждой скрывалось могучее желание сообщить большому миру, там, на другой стороне, и грядущим поколениям о том, что было пережито ими? Или, быть может, в этой жажде было азартное желание поступать наперекор врагу». Желание жить было определяющим фактором в судьбе многих евреев, которые выжили только благодаря своей привязанности к жизни и железной воле в преодолении всех бед.

Нелегко было исполнить заповедь жизни, это было связано с непрерывной борьбой изо дня в день, которая порой выражалась в действиях маловажных на первый взгляд. Объединение евреев в гетто, тайная доставка пищи, постройка бункеров и множество других подобных действий требовали инициативы и находчивости, настойчивости и смелости. В этом заключался особый героизм святых мучеников катастрофы: «Умереть теперь — для этого не нужно быть героем, героизм — жить теперь».

3.

Значение понятия «освящение жизни» на деле оказывается более широким и глубоким. Освещение вопроса будет неполным, если не отметить, что могучая воля к жизни в большинстве случаев была направлена на еврейскую жизнь в том виде, в каком понимал ее каждый человек в отдельности. Желание жить еврейской жизнью наперекор всем преследованиям и ограничениям проявлялось в различных кругах еврейского общества, и поэтому следует рассматривать его как выражение воли общества в целом. Стремление сохранить ценности еврейской жизни было присуще как обществу в целом, так и отдельной личности. Оно воплотилось в многогранной общественной деятельности, в деятельности представителей всех кругов и течений в области культуры, воспитания и религии.

Ярким примером стремления жить еврейской жизнью даже в самых невыносимых условиях служат поступки евреев, соблюдавших заповеди. Исполнение заповедей Торы было связано с большой опасностью для жизни, ибо немцы с особой педантичностью следили за тем, чтобы в первую очередь уничтожить верующих евреев, видя в них опору и основу народа. К ним первым тянулись грязные руки врагов. Об этом свидетельствует приказ службы безопасности рейха от 25 октября 1940 года, строго запрещающий выдавать евреям Восточной Европы визы на эмиграцию. Причина: «Эмиграция евреев из Восточной Европы означает непрерывное обновление и возрождение еврейства, потому что из среды этих евреев — из-за их религиозно-традиционного сознания — выходит большинство раввинов и учителей, в которых остро нуждаются

еврейские организации, в особенности действующие в Соединенных Штатах, стремящиеся к духовному возрождению и консолидации еврейского населения».

Нацизм отбросил в сторону культурные и этические ценности человечества, противопоставив им биологические ценности и физическую силу. Он дал выход инстинктам разрушения и жестокости и вел войну на истребление против всего, что не соответствовало его «идеалам». Для нацистов еврей был символом духовных ценностей и святости, презираемых ими, и поэтому их ненависть к еврею не имела предела. Поэтому немцы демонстративно унижали евреев, уничтожали их открыто, издевались над раввинами, разрушали синагоги и сжигали книги. Они избирали для расправ дни еврейских праздников, с особой жестокостью обращались с евреями в Дни покаяния, стремясь еще больше унижить их в поры святости и чистоты, они оскверняли еврейские святыни, принуждали работать в Новолетие и в Судный день. Главам общин приходилось уговаривать евреев не уклоняться от работы в такие периоды, ибо это влекло за собой немедленное уничтожение. И все же многие евреи делали невозможное и соблюдали праздники даже в нечеловеческих условиях. Они хранили веру в своих сердцах и проявляли чудеса мужества, пытаясь спасти остатки традиции. Рискуя жизнью, они заботились о соблюдении заповедей Торы: собирали миньяны для молитвы, присоединяя еврея к еврею, спасали и прятали молитвенные принадлежности, составляли и переписывали молитвенники и календари, они организовывали религиозные школы и тайно занимались изучением Торы. Верующие евреи исполняли заповеди и сохраняли обычаи отцов даже в лагерях смерти, известных своими ужасами. В нечеловечески трудных условиях они находили возможность изучать Тору, читать по свитку Торы недельный раздел, молиться в миньяне или по одному, исполнять заповедь тфилин, зажигать ханукальные свечи, трубить в шофар в Новолетие, проводить Седер в праздник Песах, исполнять заповеди, связанные с праздником Суккот.

Следует обратить внимание на скрытое значение, заключенное в этих действиях: миссия сохранения жизни была направлена на жизнь наполненную глубокоым смыслом, на жизнь иудейскую. Освящение жизни в широком смысле этого понятия наложило свой отпечаток на поведение многих евреев, порою приближая смерть. Они погибали так, как требовало от них их Учение жизни, освящая имя Божье заповедями освящения жизни. Они шли на смерть сознательно, гордо подняв голову, как евреи, как люди — явно в противоположность тому, как нацисты пытались представить происходящее себе и другим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЧИСТАЯ МОЛИТВА

Моше Прагер

Несчастные, покинутые всеми шли в свой последний путь миллионы евреев, и одно чувство сопровождало их до ворот смерти, чувство, что роковое еврейское шествие к месту жертвоприношения — это вечное хождение по тропе страданий ради освящения имени Божьего.

И чем громче становились окрики: «Юде!», которыми жестокий враг подгонял обреченных на смерть, чем громче звучали проклятия изверга, в которые он вкладывал всю свою ненависть к евреям и еврейству, тем больше укреплялось среди обреченных еврейское самосознание. Враг боролся не только с евреями, но и с духом еврейства, свитки Торы он уничтожал с такой кровожадностью, будто разрывал на части тела еврейских детей. Но невзирая ни на что, крепла вечная связь еврея с еврейством, обреченные на смерть сознавали моральное превосходство еврейства в его трагическом и героическом сиянии. Низвергнутые в бездны ужаса, евреи возносили глаза к небу и уносились ввысь на крыльях молитвы, самой чистой из чистых.

Чистая молитва евреев облекалась в мелодию и в слова.

Есть немало древних традиционных мотивов, которые, переплавившись в горниле страданий, получили новое облачение удивительных мелодий, носящих на себе отпечаток особой ступени бытия, тоски души, расстающейся с телом. Такова мелодия «Я верую верой искренней в пришествие Мессии», таковы мелодии к стихам псалмов: «Отчего ты поникла, душа моя», «Вспомни слово к рабу Твоему». Эти напевы, сопровождавшие молитвы, являются самобытными музыкальными произведениями, созданными в гетто и в лагерях смерти. Возникли также и новые молитвы, зов сердца Израиля, обращенный к небесному Отцу. В этих молитвах живут чистые души миллионов лежащих на жертвеннике освящения имени Божьего.

Многогранна и богата народная религиозная поэзия, расцветшая среди бед и страданий: мольбы о милосердии, обращенные к всемилостивому Отцу и вопли, взывающие к Богу-ревнителю: «Воздай, отплати!»; произведения, служащие документальными свидетельствами происшедшего, и произведения, проникнутые верой в Вечность Израиля; молитвы, отражающие состояние души между отчаянием и верой, и молитвы сирот — молитва поколения. И среди всех этих молитв есть возвышенная молитва об исправлении мира, о конце беззакония, о пришествии Мессии.

Облеченным в стих свидетельством является произведение народного поэта Гевиртига «Канун Судного дня». Под стихотворением надпись: 25 ноября 1939 года. Дата указывает на то, что стихотворение основано на фактах и посвящено произошедшему в городе Кракове в начале оккупации немцами Польши. Немецкие

власти запретили евреям Кракова молиться в Йом Кипур, им было приказано работать и осквернить этот священный день (подробности известны из Летописи Краковского гетто). В своем стихотворении поэт свидетельствует о том, что хотя и закрыты все славившиеся своим богатством и красотой синагоги города, евреи все же собираются на молитву «Кол нидре», молятся, скрываясь подобно *маранам* в Испании:

В комнате темной,
Как в Испании некогда,
В покрывалах молитвенных.

Песня слышна,
Старая песня *маранов*,
Ой, ой, ой, ой, ой,
Кол нидре.

Многочисленны молитвы отдельных людей, в которых слышится эхо молитвы поколения. Это памятник поколению, которое, падая в бездну, устремлялось к небесам.

Вот молитва осиротевшего ребенка, последняя просьба к Властелину миров:

Еще раз мне дай в синагоге молиться,
Стоя в углу, скорбеть и рыдать,
О папе, о маме «Кадиш» там читать,
«Да возвеличится и освятится!..»

В одном из концлагерей Транснистрии, в Шаргороде, евреи молились:

О, Господи, Боже,
К нам в Шаргород низойди,
Вывели нас и домой возврати
С миром, *амен и амен!*

И еще одна короткая молитва еврейских беженцев в одном из лагерей Франции:

О, Боже,
Когда же придет конец?

Проста и искренна молитва евреев, выполнявших принудительные работы для венгерской армии и подвергавшихся жестоким издевательствам:

Властелин мира, Ты над всею вселенной,
Под дождем и ветрами мы ночью и денно,
В лохмотьях, босые, и нет конца, нет отмщенья.

Измученный страданиями поэт взывает к Богу в страшном удушье и возносит к Нему свою молитву. Поэт, А. Суцковер из Виленского гетто, принимавший участие в партизанской борьбе, обращает свой взор к Всевышнему:

Хочу я, о Боже,
Открыться Тебе и довериться,
Потому что огонь полыхает в груди,
А в огне мои дни...
Я бегу высоко над землею,
Я кричу: где Тебя найти?

Мы чувствуем, что древняя молитва «Излей Твой гнев» доносится к нам из земного фашистского ада, ведь никогда с тех пор, как Израиль стал народом, не была столь глубокой бездна между ним и народами. Древние молитвы (такие как «Взгляни с небес и узри», «Боже, Боже, почему Ты оставил меня» и др.) обрели новую силу и новое внешнее проявление. Так была обновлена в изгнании Транснистрии народная песня, включающая в себя стихи молитвы и объяснения на языке народа, на идиш:

Взгляни с небес и узри,
Как мы поруганы ими.

Имеющее несколько вариантов стихотворение было распространено в следующем варианте:

О, где Ты, Боже, где Ты,
Почему Ты молчишь и не дашь им ответа?

Еврейская мать в гетто, которой было суждено похоронить в братской могиле родителей, мужа и новорожденного сына в день его рождения, младенца «видевшего солнечный свет по дороге от лона к могиле», эта мать говорит миру:

О, Боже, возмездия полный,
Где ж ты сегодня, теперь,
К Тебе души моей стоны,
Но напрасен мой плач исступленный,
На земле царствует зверь.

На краю бездны достигали евреи вершин веры; в польских концлагерях, возле крематориев пели они с воодушевлением и тоской:

Я верую верую искренней в пришествие Мессии.

В лагерях пыток в Транснистрии возникла волнующая душу молитва:

Отец, где Твои обещания?

Или Ты забыл о сыне?

Помоги, помоги нам в изгнании,

Пошли Своего Мессию.

Подвергаемые пыткам евреи указывают себе путь к этой высшей желанной цели — путь возвращения, покаяния. Конец песни звучит в их устах так:

Ты и сегодня Мой сын,

Внемли ж отцовским речениям,

Ты муки свои поймешь,

Раскаешься в прегрешениях.

Следующие строки облегчали страдания венгерских евреев в трудовых лагерях:

Не поддаваться отчаянью, скорби,

Помощь Бога — сегодня ты помни —

Мы завтра увидим с тобой...

Слушай, как шепчут деревья весной,

Говорят, что уже скоро

Прозвучит благовестника голос!

Голос, несущий весть об избавлении:

Мы будем добрыми, благочестивыми,

Только б Мессия ступил на порог.

Мир увидит: Господь есть Бог!

ПЕСНИ ТОСКИ ПО СИОНУ

Существует удивительная загадка еврейской истории, вечного существования народа Израиля: за падением следует подъем; и если разрушен древний прочный и жизнеспособный центр, на его месте неожиданно для окружающих поднимается новый. Кажется, что у еврейства есть «странствующее» сердце, переходящее с места на место. Обрушив смертельный удар на еврейское сердце, враг тотчас вынужден признаться в том, что совершил ошибку, ведь еврейский народ жив, сердце еврейства бьется в другом месте. В наши дни, период ненависти к европейскому еврейству, это великое правило было подтверждено вновь. В то время когда нацисты превратили символ еврейства в знак обреченных на смерть, Щит Давида вновь обрел свое величие, служа знаком и печатью независимости Израиля. И нет ничего нового и неожиданного в том, что крепнет притягательная сила Сиона для сынов диаспоры, терпящей крушение. Стремление к Сиону зажигало искру последнего утешения в сердцах гибнущих евреев, побуждало их слагать песни тоски по вечному Сиону.

Эти песни периода катастрофы более конкретны и прочувствованы, чем другие песни тоски по Сиону, созданные на протяжении долгих лет изгнания. Величием и силой отличались песни о Сионе на устах переживших катастрофу, движение нелегальной репатриации породило песни о Сионе, не имеющие равных себе по силе выражения. Каждое их слово — клятва на верность, их содержание — готовность идти в бой и жертвовать жизнью ради освобождения Сиона.

В хоре голосов, воспевающих Сион, следует различать несколько характерных мотивов, возникших на различных этапах катастрофы.

ПРЕДАНИЕ ОБ ИЗБАВЛЕНИИ

В первый период войны, развязанной фашистской Германией в Европе, когда были оккупированы территории, где находились большие еврейские общины (главным образом в Польше), среди евреев на захваченных немцами территориях было распространено предание об избавлении Страны Израиля и обретении независимости. Стиль предания отличался определенной степенью реализма, ибо, после того как вспыхнула война, державы мира признают право евреев на Страну Израиля и врата спасения открываются для тех, кому удастся бежать. В песне, созданной в гетто Лодзь в начале его существования, узники гетто утешали себя этой вестью:

Не горюйте, не плачьте, евреи,

Вам дожить до счастливых дней,

Будет конец нашим бедам,

Все евреи в Израиль уедут,

Если на то воля Божья,

В живых я останусь тоже.

ВЕЛИКОЕ ОЖИДАНИЕ КОНЦА ИЗГНАНИЯ И РАССЕЯНИЯ

По мере обострения положения евреев на оккупированных территориях крепнет надежда на конец изгнания. Евреи, переносившие нечеловеческие страдания в гетто и в лагерях пыток, почувствовали на себе всю глубину мук диаспоры, сложенные ими песни — выражение жажды избавления, освобождения от оков изгнания и надежда возвратиться вскоре «домой».

В Краковском гетто пели со священным трепетом «Песню о Стене Плача»:

Стена, Стена,

Две тысячи лет я стою пред тобой,

Я еврей, суждено мне скитаться

С места на место в стужу и зной,

Везде одинок я, бездомный, чужой.

В долине плача, в Транснистрии, была создана песня, поражающая своей простотой:

Хочу я домой,

Хочу я домой,

Не хочу больше быть я чужим у чужих,

Каким я всегда был для других,

Хочу я домой,

Хочу я домой.

А в пересыльных лагерях Словакии, откуда дорога вела к центральному месту уничтожения в Освенциме, узники пели «Песню изгнания»:

О, пойте, пойте песню изгнания,

О, слушайте жалобный плач и стенания,

Это еврейских детей голоса,

Их мучат, терзают на наших глазах,

А у изгнания нет конца.

ПРИСЯГА НА ВЕРНОСТЬ ДЕЛУ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ НА РОДИНЕ

После крушения нацизма, которым окончилась война, обретя личную свободу, оставшиеся в живых евреи были вынуждены начать борьбу за свое полное освобождение — за жизнь свободного народа на получившей независимость родине. Твердое решение оставшихся в живых бороться за независимость Израиля выражено в самом духе клятвы — клятвы людей, не сожженных огнем гигантского крематория, в котором они находились.

В Лодзе спасшиеся евреи пели:

Из огня и из пламени

Мы выходим в поход,

Покинуты гетто, мосты сожжены,

Мало нас, но идем мы вперед,

Не боимся мы смерти, тюрем, стены.

А в Румынии евреи подхватили песню «О нелегальной репатриации»:

Я иду, и тверд мой шаг,

Ни минуты в пути не теряю я,

Могилы шести миллионов взывают:

Сертификаты! — да или нет,

Нашей будет Страна Израиля!

Оставшиеся в живых узники концлагеря давали клятву:

Поднимая руку,

Я клятву даю:

Не отправить меня

Больше в Аушвиц,

Реки крови родной,

В которых стою,

Кричат мне: Домой, домой!

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА СИОНА ДЛЯ НЕЛЕГАЛЬНЫХ РЕПАТРИАНТОВ

Когда пережившие катастрофу начали самостоятельно прокладывать себе дорогу в Страну Израиля, когда суда с нелегальными репатриантами устремились к желанному берегу последней надежды, на устах нелегальных репатриантов появилась песня — песня приближающихся к избавлению и возрождению. В одном из временных лагерей, готовясь организованно пересечь границу Израиля, нелегальные репатрианты пели:

Мы шагаем вперед

На пути к лучшим дням

С верой непреклонной

В чудеса Сиона.

В одном из сборных пунктов на берегу моря звучала песня репатриантов, ожидавших судна, которое должно было доставить их в Израиль:

Страна,

Если б не море,

Я бы давно был с тобой,

Я надеждой живу, что вскоре

Я к тебе доплыву

На большом корабле

Или на утлой лодчонке.

На корабле, доставившем в Израиль 2000 нелегальных репатриантов, громко забились сердца при виде берега спасения, и возникла народная песня об арфе Израиля, чьи струны оборваны жестокой рукой, но арфа сохранилась, и близок день, когда вновь зазвучит ее голос.

ПРОРОЧЕСТВО О СУХИХ КОСТЯХ (Иехезкель 37:1-14)

1. Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом, и поставил меня среди поля, и оно полно костей,
2. И обвел меня вокруг них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи.
3. И сказал мне: Сын человеческий! Оживут ли кости эти? Я сказал: Господи, Боже! Ты знаешь это.
4. И сказал мне: Изреки пророчество на кости эти и скажи им: Кости сухие, слушайте слово Господне:
5. Так говорит Господь Бог костям этим: Вот я введу в вас дух, и вы оживете.
6. И дам вам жилы, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и вложу в вас дух — и оживете, и узнаете, что Я Господь.
7. И изрек я пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, раздался шум, и вот движение, и сблизилась кость, кость с костью своей.
8. И видел я: вот на них жилы, и выросла плоть, и покрыла их кожа сверху; а духа не было в них.
9. И сказал Он мне: Изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: Так говорит Господь Бог: От четырех ветров приди, дух, и повея на этих убитых, и они оживут.
10. И я изрек пророчество, как мне повелено было; и вошел в них дух, и они ожили и стали на ноги свои — весьма, весьма великое войско.
11. И сказал Он мне: Сын человеческий! Кости эти — весь дом Израилев. Вот, они говорят: Иссохли кости наши, и погибла надежда — такова наша доля.
12. Посему изреки пророчество и скажи им- Так говорит Господь Бог: Вот, Я открою ваши могилы и выведу вас из могил, народ Мой, и введу вас в землю Израилеву.
13. И узнаете, что Я Господь, когда открою Я могилы ваши и выведу вас из могил ваших, народ Мой,
14. И вложу дух Мой в вас, и вы оживете, и успокою вас на земле вашей, и узнаете, что Я Господь, сказал это и сделал, говорит Господь.

В благодарность от еврейского народа

В 1953 году был открыт иерусалимский мемориал “Яд Вашем” - центр научных исследований и памятник жертвам Катастрофы европейского еврейства. Как сказано в законе об основании мемориала, он должен предоставить “место и имена” (так с иврита переводится “Яд Вашем”) всем жертвам Холокоста. Кроме того, этим законом определен особый статус тех людей, которые из благородных побуждений и с риском для собственной жизни спасали евреев в годы Холокоста. По давней еврейской традиции таких людей называют “хасидей уммот ха-олам”, что буквально означает “праведники среди народов мира”. Обычно говорят короче: “праведники народов” или “праведники мира” (1,2). Одним из самых запоминающихся мест Яд Вашема является Сад Праведников - несколько тысяч вечнозеленых деревьев, каждое из которых посажено в честь человека, который помог хотя бы одному еврею пережить Холокост. Табличка у дерева сообщает имя спасителя.

В Израиле к установлению и подтверждению факта спасения в годы Катастрофы относятся очень серьезно. Пережившие Холокост имеют право представить к рассмотрению имена тех, кто помог им в годы войны. Специальный комитет под председательством одного из членов Верховного суда Израиля рассматривает каждую кандидатуру и все имеющиеся в распоряжении доказательства, прежде всего, свидетельства очевидцев. Израильские консулаты в многих странах Европы собирают такие свидетельства. Звание Праведник мира может получить только нееврей, при этом должно быть доказано, что он бескорыстно помогал евреям в годы войны и рисковал жизнью, свободой или безопасностью. Нередко изучение всех материалов по одному только делу занимает годы. Получивший статус Праведника мира приглашается в Израиль и ему торжественно вручают медаль, на которой на двух языках, на иврите и французском, выбита надпись: “В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир”.

Сейчас звание Праведник мира получили более восемнадцати тысяч человек. Большая часть этих людей жила в европейских странах, оккупированных фашистами: более пяти тысяч - в Польше, более четырех

тысяч - в Голландии, около двух тысяч - во Франции, тысяча шестьсот - на Украине, более тысячи двухсот - в Бельгии. От четырехсот до пятисот Праведников мира жили в каждой из следующих стран: Венгрии, Чехословакии, Литве, а также вместе в России и Белоруссии. На первое января 2001 года насчитывалось 342 Праведников из Германии, 281 - из Италии, 234 - из Греции, 213 из всех государств, входивших в Югославию. Каждая из остальных стран дала менее ста Праведников. Например, Австрия - 83, Литва - 93, Румыния - 57, Албания - 60, Швейцария - 36, Дания - 14, Болгария и Великобритания - по 13, Норвегия - 17, Швеция - 7. По одному Праведнику мира было из Японии, Бразилии, Португалии, США... За двухтысячный год число Праведников увеличилось на 829 человек.

До сих пор проверяются данные новых кандидатов. Точное число спасителей и спасенных, по-видимому, никогда не будет известно. Оценки, которые дают специалисты, колеблются в широких пределах - от 50 до 500 тысяч. Мордехай Палдиэль, начальник специального отдела мемориала Яд Вашем по делам переживших Холокост, более осторожен - он допускает, что число потенциальных Праведников мира находится в пределах от 100 до 250 тысяч. По его мнению, в годы Холокоста они спасли до 250 тысяч евреев (3).

Солнечное сплетение проблем

Спасению евреев посвящена заметная часть современной литературы о Холокосте. Сотни историй о переживших Катастрофу ежегодно публикуются в газетах, журналах, книгах, становятся темами телевизионных передач и документальных фильмов. Спасение евреев в годы войны составляет предмет исследований многих психологов, социологов, богословов и историков. Важно отметить, что эта тема весьма деликатна и встречает совсем неоднозначное понимание у разных людей. Не все согласны с тем, что много внимания уделяется спасенным евреям и их спасителям. Многие считают не вполне уместным концентрироваться на Добре в то время, когда Зло явно преобладало. Как сказал Мордехай Палдиэль в интервью автору книги (3), “можно в честь Добра поставить одну свечку, но не слишком много свечей”. Шесть миллионов погибших явно превосходят даже 250 тысяч спасенных, а число Праведников мира ничтожно по сравнению с миллионами европейцев, которые могли помочь евреям, но не сделали этого. Защитников евреев было меньше одного процента взрослого населения Европы. При любом обсуждении темы праведников нельзя забывать о десятках тысяч жителей разных стран Европы, которые добровольно и весьма активно помогали немцам в массовых убийствах евреев. Нельзя также забывать и того, что многие миллионы людей ничего не сделали, чтобы эти убийства остановить.

В этой теме есть еще один непростой моральный аспект. Почти все исследования о Праведниках мира написаны евреями. Христианские историки, социологи, богословы, как правило, предпочитают не затрагивать эти вопросы. Ибо любая история о спасении еврея христианином ставит ряд болезненных для всего христианства проблем.

Большинство преступников Холокоста были крещенные христиане. Если они женились, то венчание происходило в христианской церкви. Когда у них рождались дети, их крестили тоже в христианской церкви. Пережившие Холокост вспоминают, как охранники в Освенциме и Дахау трепетно отмечали Рождество и Пасху. Большинство нацистов принадлежали к той или иной христианской общине, некоторые были весьма набожны и благочестивы, были среди них и священники. Не подлежит сомнению, что идеология нацистов по своей сути является и антихристианской, и антииудейской. Холокост принципиально отличается от средневековых погромов и крестовых походов. Но современные христиане начинают признавать то, что давно говорилось в еврейской среде: во время Второй мировой войны евреев убивали христиане, и происходило все это в сердце христианской Европы. Холокост был не только еврейской Катастрофой. Он ознаменовал и самый серьезный кризис христианства за всю его двухтысячную историю (см, например, (4), (5), (6)).

Исследователи выделяют три большие группы населения в годы Второй мировой войны: преступники, жертвы и зрители (7). По сравнению с ними Праведники мира составляют незначительное меньшинство. Но без них описание “ландшафта Холокоста” было бы явно неполным. Знать историю спасения евреев в годы Второй мировой войны так же важно, как знать историю их уничтожения. Праведники мира дают возможность всем людям на земле сохранить Веру и Надежду.

Мартин Гильберт рассказал поучительную историю (13). Дану Шапиро и ее мать прятал в годы войны один польский крестьянин. И мать и дочка пережили войну, живя в крошечной темной каморке в коровнике. Однажды в дом крестьянина постучал человек с сыном-подростком на руках. Это был еврей, скрывавшийся в соседнем лесу. Он сказал, что у ребенка гангрена и просил позвать врача. Крестьянин пошел в гестапо и сообщил о пришедших. Дана Шапиро вспоминает, что крестьянин за донос получил два килограмма сахара. А еврея с большим ребенком забрали фашисты и расстреляли.

Как можно было двух человек спасти и двух предать верной смерти? Может быть, крестьянин знал, что помочь больному ребенку все равно не удастся и не хотел заботиться об умирающем? Или он посчитал, что четыре человека для его маленькой каморки слишком много и они все могут погибнуть? Или он боялся, что немцы или его соседи могут обнаружить прячущихся в коровнике евреев и посчитал за лучшее, отвести от себя подозрения? Или он считал возможным заботиться об еврейских женщинах, но не хотел помогать

еврейским мужчинам? Почему в круг его моральной ответственности попали два посторонних человека, но не нашлось места для четырех?

Праведники мира - это в полном смысле слова “солнечное сплетение” проблем Холокоста. Разобраться в комплексе этих проблем необходимо, чтобы понять, что означала “моральная ответственность человека” тогда и как мы должны понимать ее сегодня.

Факторы военного времени

Отношение к евреям в годы Второй мировой войны определялось множеством обстоятельств, без учета которых трудно понять и правильно оценить поведение людей в экстремальных условиях. В этих заметках мы не можем много места уделить истории европейского антисемитизма, в немалой степени поддерживаемого теорией и практикой христианского богослужения (см., например, (8), (9), (10)). Отметим только, что нацизм активно использовал антисемитизм как “наиболее ценную часть своего пропагандистского арсенала” (11). Антисемитизмом, подогретым нацистской пропагандой, можно во многом объяснить равнодушие и даже злорадство, с которыми наблюдали страдания евреев многие их бывшие соседи и знакомые. Но были и другие обстоятельства, влиявшие на поведение людей в годы войны и, как правило, осложнявшие и без того непростые отношения к евреям.

Прежде всего следует сказать о разрушениях и страданиях, принесенных Второй мировой войной. Многим европейцам, жившим в те годы, довелось пережить горести предыдущей мировой войны и разруху Великой экономической депрессии конца двадцатых годов. Но в большинстве воспоминаний о том времени эти бедствия кажутся незначительными по сравнению с теми, которые принесла новая мировая война: бомбежки, разрушенные дома и церкви, вражеские солдаты, марширующие по улицам, унижительные поражения и порабощение родных стран. Миллионы европейцев лишились своих близких, потеряли привычную безопасность и стабильность, свободу и независимость, т.е. весьма существенную часть того мира, который они знали и считали своим. Многие города Европы стояли в развалинах. Сотни тысяч людей покинули свои дома, беженцы стали привычным явлением. Война разрушила экономику европейских стран, люди голодали, продукты можно было купить только на черном рынке, не хватало электричества, топлива, одежды, лекарств. Жестокость немецкой оккупации ощутили на себе не только евреи, но и многие другие народы, в первую очередь, славяне Восточной Европы: поляки, русские, украинцы, белорусы. В этих условиях главной задачей стало спасти себя и свою семью. Зона моральной ответственности отдельного человека становилась предельно узкой, многие старались не вмешиваться в преследования нацистами евреев (см., например, (12)).

В годы войны нацисты очень умело использовали этнические противоречия и конфликты, издавна существовавшие в различных странах Восточной, Центральной и Южной Европы. Во многих регионах эти конфликты тлеют и сейчас. Политика Гитлера “разделяй и властвуй” наглядно проявилась, например, в Польше, где национальные меньшинства - украинцы и так называемые “фольксдойче” - немцы, проживающие вне Рейха, - получили многие преимущества перед поляками и стали активными помощниками оккупантов. Эту возможность представители бывших угнетаемых меньшинств употребили на то, чтобы отомстить своим обидчикам - полякам, а заодно и наказать евреев, которые рассматривались как пособники поляков в довоенное время. Во многих регионах Европы нацистская пропаганда разжигала ненависть одной национальной группы против другой. Эта тактика ослабляла оппозицию против фашизма и давала гитлеровцам многочисленных добровольных помощников и соучастников в преступлениях.

Как уже было сказано, нацисты всячески разжигали антисемитизм, всегда присутствовавший в различных социальных группах. Использовались все источники антисемитизма: религиозные, политические, экономические, культурные. Охота на евреев становилась легальной, против евреев разрешалось применять любые действия, даже те, которые в нормальном обществе считаются преступными. Не только помогать евреям, но даже просто выказывать им симпатию и сочувствие становилось смертельно опасным. В Варшаве 15 октября 1941 года был опубликован приказ о смертной казни любого, кто помог еврею. Это были не пустые угрозы. Очень скоро большинство населения поняло, что тот, кто помогает еврею, рискует не только своей жизнью, но и жизнью своих близких. Нередко за помощь еврею уничтожались целые деревни (13).

Следует отметить и экономические мотивы, поощрявшие преследования и уничтожение евреев. Нацисты официально заявили, что все имущество евреев принадлежит Третьему Рейху. Нееврейское население Германии и оккупированных немцами стран получало в свое распоряжение дома и собственность евреев, занимало их рабочие места. Нацисты платили за каждого пойманного или убитого еврея деньгами или весьма дефицитными в военное время продуктами. Участвовавшие в охоте на евреев местные милиционеры и полицейские, а также члены их семей получали от немцев продовольственные пайки и денежные довольствия. В условиях экономической разрухи военного времени перед этими преимуществами сотрудничества с нацистами многие не могли устоять (14).

Не последнюю роль играли политические противоречия между евреями и неевреями, сильно обострившиеся в годы войны. В 1940 году советские войска оккупировали Литву, Латвию и Эстонию. Бывшие почти двадцать лет независимыми, эти страны стали советскими республиками. Большинство из 250 тысяч

прибалтийских евреев с радостью встретили приход советских войск - это казалось меньшим злом по сравнению с немецкой оккупацией. В то же время нееврейское население прибалтийских стран считало советский захват страшной национальной катастрофой. Противоречие интересов усугублялось еще и тем, что многие коммунисты-евреи, родом из Прибалтики, занимали в новых советских республиках руководящие посты. Основное население этих республик считало евреев предателями и пособниками советских захватчиков. Когда в 1941 году советские войска вынуждены были уйти из Прибалтики, местные националисты еще до прихода немцев организовали кровавые еврейские погромы. Немецким айзатц-группам, занятым систематическим уничтожением евреев в Прибалтике, местное население оказывало всяческую поддержку и помощь (15). Похожее происходило и на Украине, где украинские националисты объясняли катастрофу коллективизации и голода тридцатых годов происками “жидовского большевизма”. Казалось бы, что перечисленные факторы, к которым можно было добавить еще немало подобных, приводят к неопровержимому выводу: реально помочь евреям в оккупированной немцами Европе было невозможно. Однако жизнь и дела Праведников мира показывают, что это не так. Нельзя было спасти всех, но можно было спасти многих. Это, действительно, было дьявольски трудно, для этого часто нужно было рисковать жизнью. Но для некоторых людей остаться верным своим моральным принципам оказалось столь важным, что они шли на этот риск.

Систематизировать и описать способы помощи и спасения нелегко, так как очень разнообразны обстоятельства времени и места. Охота на евреев происходила практически по всей Европе, от Арктики до Средиземноморья, от Атлантического океана до Черного моря. В этом пространстве было почти две дюжины стран. Важную роль играли географическое положение страны, ее история, политическая структура, традиции и обычаи. Близость моря или нейтральных стран часто повышало вероятность спасения.

Чтобы объективно оценить роль Праведников мира в истории Холокоста нельзя упускать из виду, что не только они одни помогали евреям в годы преследования. Некоторые евреи сами смогли защитить себя и своих близких (32). Многочисленные еврейские движения и партии (сионистские, социалистические и др.), еврейские группы Сопротивления, подпольные организации, партизанские отряды, а также специально созданные комитеты и объединения (например, DELASEM - Delegation Assisteza Emigranti - в Италии) спасали евреев во всей Европе. Еврейские общины из Палестины и США много делали для помощи европейским братьям и сестрам. Часто спасение было результатом деятельности не отдельного человека, а целых “сетей спасения”, включающих родственников, друзей, коллег по работе, соседей, знакомых, а иногда и совсем посторонних людей, которые чувствовали свою обязанность помочь в беде. Многие официальные структуры, например, движения Сопротивления - французские, голландские, бельгийские, норвежские, датские - рассматривали помощь еврейским согражданам как составную часть своей деятельности. Для помощи беженцам были созданы специальные международные комитеты и союзы.

Формы помощи евреям невозможно рассматривать в отрыве от времени: сама политика нацистов по отношению к евреям существенно менялась с годами - от ущемления гражданских и человеческих прав до тотального уничтожения.

Вопреки социальной изоляции

До 1938 года действия нацистов еще не угрожали непосредственно жизни немецких евреев. Методично и целенаправленно евреи превращались в глазах основного населения в нежелательных чужаков, чья жизнь под прессом новых законов и инструкций становилась все более невыносимой. Они лишались основных атрибутов нормальной и достойной жизни: равенства перед гражданским законом, права на профессиональный труд, участия в культурной жизни общества, чувства защищенности и безопасности. После начала войны в Европе в 1939 году эта политика распространилась на все страны, оказавшиеся под фашистской оккупацией.

На этой стадии помощь евреям состояла в том, чтобы не вычеркнуть их из своей жизни, сохранить дружеские, товарищеские или соседские отношения, не поддаваться на призывы нацистской пропаганды социально изолировать евреев. Доброта, верность, совет и утешение были тогда особенно в цене. И в то непростое время оставались еще надежные друзья и просто порядочные люди. Большинство нееврейских жен не поддались требованиям нацистов развестись со своими еврейскими мужьями и, как оказалось, спасли им жизнь (см., например, (16), (17), (18)).

В воспоминаниях бельгийской еврейки Тани Липски рассказывается, что после того, как в 1942 году немцы обязали всех евреев в Бельгии носить желтые звезды, многие мужчины на улице снимали перед ней шляпу, а в трамвае подчеркнуто уступали ей место (19). Иногда дело доходило до акций протеста, например, в Голландии и других странах многие люди надели желтые звезды в знак солидарности с евреями, против преследования евреев устраивались забастовки, произносились проповеди в церквях (20). Эти выступления

быстро и жестоко подавлялись нацистами. Тем не менее, подобные знаки симпатии и поддержки помогали сохранить веру в то, что не весь мир сошел с ума от антисемитизма.

Владелец продовольственного магазина в Берлине немец Роберт Йернайциг, несмотря на запреты нацистов, помогал еврейской чете Хелле и Курту Риде продуктами из своего магазина. Часто он приносил продукты к ним домой, не беря никакой платы. Когда Хелле и ее мужу в 1943 году стала угрожать депортация, Йернайциг помог им спрятаться в надежном месте (21).

Согласно очередному распоряжению нацистских властей, принадлежащие евреям предприятия должны были быть проданы арийцам. Некоторые немецкие друзья евреев оформляли предприятия на свое имя, а прибыль продолжали передавать законным владельцам (12). Немецкие знакомые помогали евреям сохранить ценные вещи, в то время как власти предписывали практически все имущество еврейских семей сдать государству (17).

После Хрустальной ночи некоторым евреям удалось избежать арестов и заключения в лагерь благодаря помощи немецких соседей. Если арест все же происходил, арийские знакомые пытались освободить евреев. С помощью взяток это иногда удавалось. Известна история одного шведского пастора в Берлине, регулярно “покупавшего” евреев и политзаключенных у высоких чинов СС (21).

Эмиграция - это жизнь

С приходом Гитлера к власти многим евреям Германии стало ясно, что их жизнь в нацистском государстве становится невозможной. Еврейская эмиграция из Германии началась в 1933 году и продолжалась вплоть до ее официального запрета в 1941. Страну покинула почти половина из более чем полумиллионного еврейского населения. Этим людям в большинстве своем удалось спастись. Последние иллюзии о возможности жизни евреев в гитлеровской Германии рассеялись у многих только после Хрустальной ночи 1938 года. Сами нацисты в период с ноября 1938 до начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 всячески поощряли отъезд евреев из Германии. Проблема состояла в том, в мире почти не осталось безопасных мест, куда разрешалось бы въехать евреям. Многие люди помогали евреям легально или нелегально уехать из Германии, а позже и из оккупированных немцами стран Европы. Надо сказать, что эта помощь оказалась самой эффективной - эмиграция спасла десятки, если не сотни тысяч еврейских жизней.

Голландка Гертруда Вийсмюллер-Майер участвовала в спасении тысяч еврейских детей. В 1938 году появилась возможность многих перевезти в Англию, но на это требовалось согласие немецких властей. Гертруда поехала в Вену, говорила с самим Адольфом Эйхманом и получила коллективную выездную визу для 600 детей. В августе 1939 года, всего за пару недель до немецкого вторжения в Польшу, она поехала в Данциг и организовала пятьдесят кораблей для перевозки детей в Голландию и Бельгию. И в последующие военные годы Гертруда Вийсмюллер-Майер помогала еврейским детям, находила для них укрытия, снабжала питанием, обеспечивала фальшивыми документами (22).

Шведскому пастору Гоуту Хеденквисту удалось в 1938 году вызволить из Австрии три тысячи евреев (21). Капитан Фрэнк Фоули, офицер британской миссии в Берлине, руководил выдачей виз для въезда в Палестину, находившейся тогда под английским управлением. Капитан Фоули отлично понимал, что положение евреев в Германии становится критическим, и выдавал дополнительные визы несмотря на то, что Англия официально ограничивала въезд евреев в Палестину. Чем трагичней становилось положение евреев в Европе, тем сложнее становилось получить визу в Палестину. По словам берлинского еврея Бена Козна, “Фоули предпринимал все, что было в его силах, чтобы отправить в безопасность как можно больше людей. Можно сказать, что он вырвал из лап смерти тысячи евреев” (13).

Подобно Фоули еще несколько дипломатов пытались спасти евреев, выдавая им въездные визы в безопасные страны. Нейтральные страны и участники антигитлеровской коалиции, прежде всего США, отказывались принимать к себе евреев из Европы (23). И все же для нескольких чиновников спасение человеческих жизней оказалось важнее политики их правительств. Начальник полиции швейцарского пограничного городка Сент-Гален Пауль Грюнинггер позволил в начале войны сотням евреев найти спасение в Швейцарии, за что был уволен со службы и лишен пенсии (29). Португальский консул в Бордо Аристедес де Суса Мендес выдал въездные визы в Португалию более десяти тысячам евреев, что противоречило прямым приказам его начальства. Он предоставлял убежище многим евреям в своем доме в Бордо. Даже в тот день, когда его под конвоем отправили назад в Португалию, де Суса Мендес выписывал последние визы беженцам. Он потерял работу и был оштрафован в наказание за свои действия. Семья с тринадцатью детьми оказалась в нищете. Звание Праведник мира де Суса Мендес получил уже посмертно в 1966 году.

Неожиданным местом, где нашли спасение тысячи евреев, оказался Шанхай, бывший тогда под японским контролем. Шанхай согласился принять семнадцать тысяч немецких евреев. Кроме того, двум тысячам польских евреев удалось в 1940 и 1941 годах через Сибирь добраться до Японии. Тысяча из них была направлена в Шанхай. Всего восемнадцать тысяч евреев смогли пережить там ужасы Холокоста (24).

Траектории спасения

После нападения Германии на Польшу возможности легальной эмиграции евреев стали заметно сокращаться. Показательно исследование Генри Хутенбаха, который задокументировал безуспешные попытки евреев из города Вормс уехать из Германии в 1938-1941 годах. Из 191 еврейской семьи, которые в

1941 году еще оставались в Вормсе, только пять не хотели покидать Германию. Остальным просто не удалось эмигрировать (25).

В 1939 году немцы вошли в Польшу, в 1940 - в Норвегию, Данию, Бельгию, Люксембург, Францию... Жестокости нацистов были известны - миллионы людей, евреев и неевреев, оставили свои дома, и по дорогам потянулись нескончаемые потоки беженцев. Особенно тяжелым положение евреев стало после того, как с 1940 года немцы стали внедрять практику гетто, насильственных депортаций, а с Востока стали приходить вести о массовых убийствах. Евреи были вынуждены находиться в постоянном движении в поисках безопасных мест. Самым лучшим было бы вообще уехать из Европы. Далее по степени безопасности были нейтральные европейские страны: Испания, Португалия, Швеция, Швейцария и Турция. Евреи особенно стремились в Турцию, единственную нейтральную страну, граничащую с восточной и юго-восточной частями Европы. Те, кто попадал в Турцию, двигались, как правило, дальше, чтобы нелегально перебраться в близлежащую Палестину. Известен случай, когда греческие партизаны провели около трех тысяч греческих евреев через Турцию в Палестину (26). И, наконец, определенные возможности спасения предоставляли страны, хотя и связанные с нацистской Германией, но сохранившие традиционно невраждебные отношения к евреям. К таким "островкам безопасности" относились до 1943 года фашистская Италия и контролируемые ею территории в Югославии, Греции и Франции (27), а также Венгрия до 1944 года.

Во Франции десятки тысяч евреев стремились перейти из оккупированной фашистами зоны в неоккупированную, южную зону со столицей в городе Виши. Переход через демаркационную линию между двумя зонами был для евреев запрещен, поэтому нужно было пользоваться услугами специальных проводников, снабжавших беженцев фальшивыми документами, продуктами и другими необходимыми вещами и переводившими евреев через границу. За переход беженцы платили большие деньги, причем нередки были случаи, когда проводники просто грабили беззащитных людей и отдавали их в руки нацистов. Но известны и другие примеры, показывающие бескорыстную человеческую порядочность. Рауль Лапортье, признанный теперь Праведником мира, владел небольшим магазином вблизи демаркационной линии. Он сам изготавливал фальшивые документы и обеспечивал ими беженцев, часто лично сопровождал евреев при переходе через границу. Он скрывал людей у себя дома и в домах своих друзей, передавал почту из одной зоны в другую, что также было строжайше запрещено. Ценные вещи беженцев он сначала прятал, а потом отдавал владельцам уже на другой стороне. Свои контакты с французскими полицейскими он использовал, чтобы предупреждать евреев о готовящихся облавах и депортациях. Рауль Лапортье не брал за свою работу денег, им руководили совсем иные мотивы. К концу войны он оказался почти нищим (19).

Легендарной фигурой стал пастор Мари-Бенуа, организовавший в марсельском монастыре капуцинов настоящее предприятие по спасению евреев. Вместе с группами французского Сопротивления и официальной организацией UGIF (Union Generale des Israelites en France), представлявшей французских евреев, это предприятие обеспечило тысячи беженцев фальшивыми паспортами и другими "арийскими" документами, чтобы люди могли бежать на юго-запад в Испанию или на северо-восток в Швейцарию. Когда в ноябре 1942 года фашисты окончательно оккупировали Францию и эти пути спасения были закрыты, Мари-Бенуа удалось убедить итальянские власти разрешить евреям остаться в итальянской зоне оккупации Франции, несмотря на отчаянные протесты министра иностранных дел Германии. Тысячи евреев оказались в итальянской зоне и нашли там свое спасение (27). Когда в последнюю минуту сорвался грандиозный проект послать 50 тысяч французских евреев на кораблях в Северную Африку, Мари-Бенуа вынужден был бежать в Рим. Там он под именем отца Бенедетти сыграл ключевую роль в спасении итальянских евреев, когда осенью 1943 года пал режим Муссолини, немцы заняли Италию и приступили к депортации евреев на Восток (28).

Одной из самых знаменитых операций по спасению евреев в годы войны стала эвакуация тысяч датских евреев осенью 1943 года. После того, как Георг Дуквитц, морской атташе немецкой дипломатической миссии в Копенгагене, предупредил датские власти о готовящейся депортации евреев, почти восемь тысяч человек в период с 29 сентября по 1 октября были переправлены на кораблях и лодках в Швецию, чье правительство согласилось принять беженцев (29). В этой операции принимали участие сотни простых датчан. Анна Христенсен в течение нескольких месяцев прятала сорок еврейских детей-беженцев, связанных с сионистской группой "Алият Ганоар", заботилась о них, занималась с ними и в назначенный день привела на побережье, откуда их перевезли в Швецию (30). Ханна Арендт в своей знаменитой книге "Эйхман в Иерусалиме" назвала происшедшее в Дании "результатом привитого понимания тех предпосылок и обязанностей, которые гарантируют гражданство и независимость" (31).

Поль Борхзениус был одним из тех, кто спасал датских евреев в 1943 году. В своих воспоминаниях он написал, что "поступок датчан был спонтанным, единодушным и пользовался поддержкой всего народа. Мы видели, что среди нас образовалось беззащитное и объявленное вне закона меньшинство, которое должно было вскоре погибнуть, и мы могли его спасти. Само собой разумеется, что мы им помогли. Если горит дом

соседа, то каждый должен помочь бороться с пламенем. Неспособность нацистов понять, что совершенно нормальные датчане были готовы ради евреев рисковать своими жизнями, показывает ту пропасть, которая существует между свободными людьми и узколобыми рабами тоталитарных режимов” (30). “Банальность добра”, продемонстрированная датчанами и итальянцами (27), резко контрастирует с нацистской “банальностью зла”, как назвала это явление Ханна Арендт (31).

К сожалению, даже пламя Освенцима не побудило большинство европейцев помочь еврейским соседям, когда горели их дома. Почему? Некоторые не считали евреев своими соседями. Некоторые не хотели верить, что дома действительно горят. Другие видели пожар, но боялись сгореть самим. Были и те, кто радовался, глядя на сгорающие дома и людей. И только очень немногие рисковали своими жизнями, чтобы помочь соседям справиться с огнем. Они не могли исключить евреев из зоны своей моральной ответственности. Эти немногие, кто помогал бороться с огнем, заслужили называться Праведниками мира, хотя сами себя они таковыми не считали.

Стать неевреем

Перебраться в безопасное место удалось сравнительно небольшому числу европейских евреев. Подавляющее большинство оказались на территориях, контролируемых нацистами. С 1942 года заработали на полную мощность фабрики смерти - организованные по последнему слову техники лагеря уничтожения в Хелмно, Освенциме, Трешлинке и других местах Восточной Европы. Со всего континента потянулись туда эшелоны с евреями - все пути для них стали дорогами смерти. Оставались только две возможности для спасения - скрыть для окружающих, что ты еврей, или надежно спрятаться. Оба эти способа требовали помощи со стороны других людей.

Чтобы окружающие не признали в человеке еврея, нужно было иметь соответствующие документы. “Новый порядок” в нацистской Европе был предельно бюрократическим. Каждый человек должен был иметь кучу бумаг, прежде всего, удостоверение личности, в котором указывался религиозный и расовый статус его владельца. Кроме этого необходимо было иметь разрешение на работу, вид на жительство, продовольственные карточки, различные документы для дальних поездок, личную карточку для почты и т.д., вплоть до медицинской карты для женщин о протекании беременности (21). Очень важны были церковные документы о крещении и венчании, без чего невозможно было получить “арийское” удостоверение личности. В выдаче фальшивых церковных документов состояла главная помощь христианских священников и церковных чиновников в спасении евреев. Примеров подобной помощи в разных европейских странах было множество. Известны и противоположные случаи, когда служители церкви сотрудничали с нацистами и помогали разоблачить евреев, пытающихся выдать себя за христиан.

Евреи, пользующиеся своими настоящими документами, в которых с определенного времени обязательно должны были быть вписаны дополнительные имена “Израиль” для мужчин и “Сарра” для женщин, очень скоро убеждались, что их честность неминуемо ведет к гибели. В Европе повсюду расцвел рынок фальшивых документов. Производство таких бумаг стало центром деятельности организованных групп спасения (21). Особенно эффективна при этом была помощь официальных чиновников. Такую помощь оказывали, например, бельгийских государственных служащие (19). Тысячи евреев обязаны этой рискованной деятельности своими жизнями.

Фальшивые документы были необходимым, но никак не достаточным условием того, чтобы еврей мог пережить Холокост. Чтобы достоверно выглядеть неевреем, надо было обладать определенными актерскими способностями. Кроме того, было важно, насколько в конкретном месте сильны культурные, языковые и внешние отличия еврея от нееврея. На Западе эти отличия были не так заметны, как на Востоке. Поэтому и шансы еврею выдать себя за нееврея во Франции, Голландии или Германии были выше, чем на Украине или в Польше. Хотя и там известны подчас поразительные случаи спасения: еврей Вильгельм Бахнер не только выжил, выдавая себя за поляка, но и спас более 50 евреев, приняв их под видом поляков и украинцев на работу в немецкое военное строительное предприятие, управляющим которого он работал (32).

Добровольные помощники нацистов, так называемые “информаторы”, внимательно присматривались ко всем подозрительным людям. Найти скрытого еврея было для информатора заветным желанием - помимо благодарности от немцев он получал и солидную материальную премию. Обмануть информатора было очень сложно: еврейский акцент, ошибки при молитвах, неправильное поведение в церкви, - все это выдавало чужака и замаскированного еврея. Некоторые пытались помочь евреям избавиться от акцента, обучить их необходимым правилам поведения среди христиан, некоторые врачи пытались даже исправить характерные еврейские носы и скрыть сделанное в детстве обрезание (33). Однако все эти усилия давали положительный результат только тогда, когда еврей еще задолго до начала войны был близко знаком с христианской культурой.

Лучше всего удавалось выдавать себя за нееврея тем, кто сам верил, что он не еврей. Это относится, прежде всего, ко многим малолетним еврейским детям, оказавшимся в христианских семьях. То ли их родители, чтобы спасти детей от верной смерти, передали их знакомым, то ли просто подбросили, надеясь, что подобранный не даст детям погибнуть. Польша Леокадия Яромирска нашла еврейскую девочку вблизи своей

деревни. Родители девочки оставили ее там, когда бежали при ликвидации еврейского гетто в Легионово. Леокадия взяла девочку к себе, крестила ее, сообщив соседям, что это ее дочка. Леокадия рисковала своей жизнью, так как соседи с трудом верили в эту легенду. Ценой немалых жертв Леокадия вырастила девочку и они обе дождалась конца войны. Счастливый конец этой истории омрачает типичный, к сожалению, конфликт родительских чувств: также переживший войну отец девочки разыскал ее после войны и увез с собой в Палестину (19).

Многие еврейские дети нашли спасение в католических и православных монастырях. Одна из самых известных и поучительных историй связана с деятельностью матери Марии (Елизаветы Скобцовой). Мать Мария приехала из России и стала монахиней небольшого монастыря в Париже. Она прятала в монастыре евреев, пока не находила им более надежного укрытия. Это было только малой частью ее многогранной деятельности по спасению людей. Она собирала продукты и одежду для евреев, заключенных в лагере Дранси под Парижем. Под ее руководством изготавливали фальшивые документы, она установила тесные контакты с другими группами спасения и сопротивления (34). О матери Марии мы еще скажем несколько слов. Она жила и умерла как истинная праведница.

Еврей, выдающий себя за нееврея, должен был где-то жить. Проще всего было бы жить в больших городах, где меньше вероятность попасться на глаза информатору или встретить знакомого. Но снять квартиру было тоже не просто. Хозяева квартир боялись подозрительных жильцов - окажись они скрывающимися евреями, будут жестоко наказаны и хозяева. Люди, желавшие помочь евреям, сами снимали квартиры и отдавали их евреям. Голландцы Йооп и Вильгельмина Вестервел сняли три квартиры, чтобы в них могли жить евреи (35). Другие принимали евреев к себе, придумывая для соседей правдоподобные истории, объясняющие появление новых жильцов. Уже упомянутые выше берлинцы Курт и Хелла Риде были приняты в семью немцев Йозефа и Кади Виркус, которые объяснили соседям, что Курт и Йозеф - братья (21). Это была, без сомнения, рискованная игра, так как информаторы особенно внимательно присматривались к неожиданно возникшим неизвестным родственникам и новым жильцам.

Немногие евреи, которые скрывали свое еврейство, пережили Катастрофу. Почти все они обязаны этим самоотверженной помощи других людей.

“Лечь на дно как подводная лодка”

Для тех несчастных людей, кто не смог бежать с оккупированной нацистами территории и не имел необходимых документов для того, чтобы скрыть свое еврейство, оставалась последняя возможность спасения - спрятаться. Один из самых известных примеров подобного рода - это история Анны Франк и ее семьи, спрятавшихся в перестроенном бюро в Амстердаме (36). Тысячи евреев во всех уголках Европы спаслись благодаря тому, что их прятали у себя смелые и благородные люди. Найти укрытие для еврея было нелегко. Немцы без промедления приводили в исполнение смертные приговоры всем, кто осмеливался прятать еврея. Очень трудно было избежать внимательных глаз добровольных помощников гестапо - информаторов, выискивающих любую возможность выдать немцам евреев и подозрительных личностей.

Когда все же удавалось найти хозяев, рискнувших предоставить свой дом для укрытия евреев, вставала задача оборудования убежища. Если можно было найти надежного строителя или архитектора, то в доме строились фальшивые стены, бункеры или другие скрытые помещения, где незаметно можно было пересидеть облавы или неожиданные визиты непрошенных гостей. Корри тен Бум в годы войны спасала в своем доме несколько евреев. Она рассказала о талантливом архитекторе, члене подпольной организации спасения, который с бригадой штукатуров и столяров устроил ставшее знаменитым убежище в ее доме (37). Большинство же спасителей давали приют беженцам просто у себя в квартире, в доме или во дворе, оборудуя место за шкафом, за печкой, в подвале, под лестницей, на чердаке, в курятнике, в хлеву, в сарае, в стогу, в землянке, иногда даже в ящике, который годился для маленького ребенка. Жаклин Вольф и ее четырехлетняя сестра Жозетта скрывались от облав гестапо в яме, специально оборудованной под навозной кучей (38). Польский еврей Феликс Цанман и еще четыре человека в течение почти пятисот дней (!) прятались в яме площади полтора квадратных метра и глубиной метр двадцать. Известно множество подобных и еще более поразительных фактов.

Жизнь в укрытии была нелегким испытанием не только для скрывающихся евреев, но и для тех, кто помогал им выжить. Нужно было быть постоянно начеку, чтобы не только немцы, но и соседи ничего не узнали и не заподозрили. Счастливым исключением становились поселения, все жители которых участвовали в спасении евреев. Так было, например, во французской деревне Ле Шамбон, где нашли укрытие несколько тысяч евреев. В другой французской деревне Хот-Биоль все жители знали, что семья Аргу прячет двух еврейских юношей. Немцы много раз прочесывали деревню в поисках евреев, но никого не нашли - ни один из жителей деревни не оказался предателем. В голландской деревне Нивланде каждая семья укрывала, по крайней мере, одного еврея, хотя никакой формальной организации спасения там не было (29).

В большинстве случаев прячущиеся евреи должны были скрываться не только от облав гестаповцев, но и от соседей и даже от маленьких детей своих спасителей, чтобы те ненароком их не выдали. Поэтому большую

часть суток приходилось проводить в темноте, в неподвижности, в молчании. Многие получали в результате серьезные заболевания. Найти врача для заболевшего еврея было почти невозможно. Некоторые подпольные организации, помогавшие беженцам, например, польская “Зегота”, имели специальные группы надежных врачей и медсестер (38). Но это было, скорее, исключением. Как правило, человек, прятавший заболевшего еврея, должен был сам заботиться о его лечении и лекарствах, а в случае смерти должен был еще и тайно похоронить, что тоже превращалось в немалую проблему.

Еда и лекарства требовали денег. Известны случаи, когда люди, даже находясь в укрытии, могли продолжать работать. Бельгийский инженер Абрам Липски был уволен с резиновой фабрики, на которой он работал до войны, и прятался от нацистов. Бывший начальник Липски позволил ему нелегально работать и получать деньги за свой труд (19). Поразительно, что в Бельгии банки, церкви, больницы, школы часто давали деньги и предоставляли другую помощь прячущимся от немцев евреям. Многие бельгийские предприятия по-прежнему платили зарплату своим бывшим сотрудникам-евреям, хотя те не могли больше появляться на рабочем месте. Все это помогло более двадцати пяти тысячам бельгийских евреев пережить войну (40).

Иногда удавалось в укрытии производить какие-то товары, которые можно было продать на черном рынке или обменять на продукты. Но в большинстве случаев на поддержку прячущихся от гестапо евреев денег катастрофически не хватало. В конце войны подпольные организации спасения стали получать финансовую помощь от США и других стран (17). И все же большинство людей, прячущих у себя евреев, вынуждены были сами справляться с острой нуждой и дополнительными расходами. Даже когда кто-то из знакомых из сострадания давал дополнительные продовольственные карточки, их реализовать надо было очень осторожно, чтобы ни соседи, ни продавцы не отметили, что в семью из трех, например, человек покупается еда на пятерых.

Часто люди, укрывавшие у себя евреев, предоставляли свой кров только на небольшое время - слишком велики было напряжение и опасность. Найти постоянное надежное укрытие было, как правило, несбыточной мечтой каждого еврея. В реальной жизни большинству приходилось постоянно искать новое убежище, редко проводя несколько ночей в одном месте.

Две тактики - спрятаться и “стать неевреем” - не исключали одна другую. Нередко приходилось их применять по очереди. Менялись обстоятельства, соответственно менялась и тактика. Польская супружеская пара Каролина и Миколай Кмита помогали молоденькой еврейке Зосе. С помощью фальшивых документов Зося выдавала себя за их родственницу. Однако после серии жестоких расправ немцев с евреями и их польскими помощниками в соседних городах и селах, Кмиты решили, что риск оставаться полькой для Зоси слишком велик. Миколай построил ей в ближайшем лесу укрытие, и каждую ночь Каролина приносила туда еду, чистую одежду, иногда водку и лекарства. Зося пережила в этом укрытии всю войну (35).

Двенадцатилетний Шмулек Олинер убежал из гетто, и его приютила у себя польская крестьянка по имени Бальвина. За то время, пока Бальвина прятала у себя Шмулека, она обучила его грамоте и говорить по-польски, объяснила, как вести себя в церкви и как правильно молиться. После этого она решила, что теперь безопаснее представить Олинера как польского мальчика, чем держать его в укрытии. Он нашел работу в одной польской семье в соседней деревне, что помогло прокормиться и ему и Бальвине. Шмулек пережил войну и стал известным историком Самуилом Олинером, автором одного из самых авторитетных исследований о Праведниках мира (12).

В гетто

Несмотря на все усилия и уловки, о которых говорилось выше, подавляющему числу европейских евреев не удалось избежать страшной участи оказаться в руках у нацистов. План “окончательного решения еврейского вопроса” предусматривал сначала концентрацию всех евреев в гетто, в пересыльных или рабочих лагерях, а затем отправку в лагерь уничтожения. Почти все, кто оказался под контролем нацистов, погибли. Однако были и счастливые исключения: некоторым удалось пережить гетто и лагерь. Это было бы невозможно без самоотверженной помощи со стороны неевреев.

Евреи, попадавшие в гетто, еще не знали, что они обречены на смерть. Но то, что им с первого дня необходимо бороться за существование, становилось известно сразу. Не хватало продуктов, лекарств, одежды. Для покупки еды на черном рынке требовались деньги. Для возможности нелегально работать нужно было иметь фальшивые документы. Все эти необходимые для жизни вещи передавали в гетто сочувствующие евреям люди. С определенного момента вход в гетто неевреям был запрещен, поэтому приходилось придумывать нестандартные решения.

Алексу Рослану, поляку из Варшавы, удалось в 1943 году проникнуть в Варшавское гетто через подземный туннель, о котором не знали фашисты. Его потрясло то, что он увидел, особенно бедственное положение детей. Рослану удалось забрать с собой восьмилетнего Якова Гилата. Позднее к нему присоединились младшие братья Шалом и Давид. Яков и Давид Гилаты пережили в доме Росланов всю войну, Шалом умер от скарлатины (41).

Иногда удавалось передать в гетто оружие. Настоятельница монастыря близ Вильнюса Анна Борковская с помощью нескольких монахинь собирала на полях, где походили сражения, ножи, пистолеты, ручные гранаты и передавала их в вильнюское гетто. Монастырь был местом укрытия для еврейских подпольщиков и партизанских командиров Аббы Ковнера и Абрахама Зуцкевера. Там же спасались многие дети, бежавшие из гетто (34).

Настоящим ангелом-спасителем для заключенных в гетто евреев стала Анна Зимайте, работница университетской библиотеки из Вильнюса. Она убедила немецкие власти, что для пополнения библиотеки ей необходимо собрать книги у еврейских студентов, оказавшихся в гетто, и получила туда пропуск для свободного входа и выхода. Каждый день она приходила в гетто и приносила с собой хлеб, мармелад, маргарин и сыр для детей из дома сирот. Она умудрялась помочь сотням человек. Например, разыскивала одежду и другие предметы домашнего обихода, принадлежавшие ранее евреям и попавшие в чужие руки, и заставляла вернуть вещи их законным владельцам. Этим она, кстати, нажила себе среди литовцев много врагов. Зимайте проносила в гетто фальшивые документы, оружие, была активным связным между гетто и партизанами в соседних лесах. Она устраивала в гетто литературные и музыкальные встречи, тайно выносила из гетто религиозные и культурные ценности и прятала их на воле. Она помогала десяткам детей, которым удавалось выбраться из гетто, находила для них убежища в различных домах, в том числе и в своем. Одну девочку она буквально вырвала из рук литовских полицейских, собиравшихся ее расстрелять. Когда ее необычная деятельность стала известна немцам, Зимайте арестовали, пытали и отправили в концентрационный лагерь Дахау. Потом ее переводили в другие лагеря. Она выжила чудом. Когда в 1953 году Анна Зимайте рассказывала о годах войны, то назвала это время “счастливейшими днями ее жизни” (34), (35).

У последней черты

В концентрационных лагерях, созданных гитлеровцами в разных странах, нашли свою гибель миллионы европейских евреев. Не только в специальных лагерях уничтожения, как Освенцим или Трешлинка, но и в сотнях так называемых трудовых лагерей, где люди умирали от непосильной работы, нехватки питания и отсутствия медицинской помощи. Редко, но сочувствующие евреям люди находились и среди обслуживающего персонала таких лагерей. И тогда в безнадежной ситуации появлялся шанс на спасение.

Девятнадцатилетний поляк Владислав Мизюна работал на ферме по разведению кроликов вблизи города Радом. На базе этой фермы был организован рабочий лагерь для снабжения немецких солдат на Восточном фронте кроличьим мехом. Большинство заключенных в лагере были еврейские женщины. Как и во всех немецких лагерях, труд был тяжелым, санитарные условия примитивными, питания, особенно для евреев, было мало. Мизюна делал все, что было в его силах, чтобы поддержать заключенных. Вопреки приказам, он передавал им часть продуктов, предназначенных на корм кроликам. В лагере свирепствовали болезни, а лекарств для евреев не полагалось. Однажды Владислав заразил себя той же болезнью, которой заболела одна девушка-заключенная, чтобы получить от лагерного врача лекарство, которым делился с девушкой. Оба они вылечились. До конца войны Владислав Мизюна заботился о заключенных. Он спас более десяти человек (35).

Чем более высокий пост занимал в лагерной иерархии человек, тем больше возможностей спасения евреев он имел. Всемирно известной благодаря фильму Спилберга стала история немца Оскара Шиндлера, спасшего на своем предприятии в Польше, более 1200 евреев. Пример Шиндлера не единственный. Юлиус Мадрич, австрийский предприниматель, имел две текстильных фабрики вблизи Кракова. Мадрич был тайный противник нацизма, помогал, чем мог, своим рабочим-евреям. Когда в марте 1943 года гетто в Кракове ликвидировали и его рабочие были отправлены в страшный лагерь в Пласцове, Мадрич добился у немецких властей, чтобы евреям было позволено ездить на работу из лагеря на его фабрики и обратно. Кроме того, множество людей, которые пережили ликвидацию гетто, нелегально прятались на его предприятиях, а потом были отправлены в более безопасные места. Когда через некоторое время заключенным в лагере Пласцова под страхом смерти запретили покидать лагерь, Мадрич подкупил офицера СС и получил разрешение открыть филиал своей фабрики прямо в лагере. Когда в августе 1944 года Пласцов был разрушен и всех заключенных отправляли в другие концлагеря, Мадричу с его помощниками удалось организовать побег большой группы евреев. В ноябре 1944 года Мадрича арестовали, но он смог пережить войну (35).

Иногда сочувствие к евреям проявляли даже официальные лица, служащие на стороне немцев или их союзников. Венгерский полковник Имре Ревикский был комендантом рабочего лагеря, где с 1940 по 1944 год находилось в заключении несколько сотен евреев. В отличие от других лагерных комендантов, Ревикский помогал евреям, как только мог. Он позволял женам заключенных встречаться со своими мужьями и заботиться о них. Он освобождал евреев от работы в религиозные праздники, давал отпуска по другим обстоятельствам. Двери дома Ревикского и его жены были всегда открыты для евреев. Он всячески затягивал отправку рабочего эшелона с евреями на Восток, так как полагал, что они там будут уничтожены. Когда был дан приказ о депортации всех евреев в лагерь уничтожения, Ревикский открыл ворота своего

рабочего лагеря и позволил многим заключенным бежать от верной смерти. В конце 1944 года Ревницкого самого арестовали (35).

За помощь евреям были казнены несколько немецких и австрийских солдат, передававших оружие для еврейского Сопротивления в Белостоке. Известны примеры помощи евреям даже со стороны немецких полицейских в Берлине (21). О благородном поведении итальянских военных и полицейских уже говорилось ранее (27).

Возможности спасения в лагерях уничтожения практически не было. И все же находились праведники, облегчавшие, по возможности, участь обреченных. Как правило, это были политзаключенные, попавшие в лагерь в результате своей борьбы с нацизмом.

Анна Биндер была чешским дипломатом, ее арестовали за то, что она прятала еврейское имущество и отправляла его за границу. В марте 1942 года ее привезли в Освенцим, где ее назначили на завидную должность - бригадиром сельскохозяйственной бригады, суший рай по сравнению с рабским трудом на других участках. Она сама отбирала заключенных для своей бригады, причем всегда брала тех женщин, чье физическое состояние было наиболее тяжелое и кому грозила верная смерть от болезней и истощения. Она морально поддерживала многих обреченных. Часто Биндер вступала в конфликт с эсэсовцами, защищая еврейских заключенных. За свою деятельность Анна Биндер лишилась лагерных привилегий и в начале 1944 года была отправлена на самую тяжелую работу - в грязь и снег мостить улицы в Биркенау. Анна тяжело заболела и чудом дожила до января 1945 года, когда советские солдаты освободили Освенцим.

Мать Мария (Елизавета Скобцова), о которой мы уже говорили ранее, была отправлена в женский концлагерь в Равенсбрюке в апреле 1943 года. Почти два года жила она вместе еще 2500 заключенными, в основном еврейскими женщинами, в лагерном бараке. Каждый день она прощалась со своими соседками, которых вели на смерть. Мать Мария помогала несчастным, чем только могла, делила с ними свой хлеб и давала последнее утешение, если больше ничего нельзя было сделать. Эту помощь она оказывала до своего последнего дня, предположительно 31 марта 1945 года, когда была уже слышна канонада боев с наступающей советской армией. В этот день и мать Марию отправили в газовую камеру. По некоторым рассказам переживших этот лагерь, мать Мария сама встала в группу отобранных для казни женщин, чтобы ободрить и поддержать их. Последнее, что она могла сделать, это сунуть свое нееврейское удостоверение личности своей соседке в надежде, что это сохранит той жизнь.

Не устоит мир без праведников

Операцию по уничтожению евреев в небольшом польском городке Незвиж (сегодня он принадлежит Белоруссии) немцы запланировали на 21 июля 1942 года. Некоторые руководители еврейской общины предчувствовали это за несколько дней, так как 17 июля подобная акция была проведена в соседнем с Незвижем городке. В октябре 1941 года массовые убийства евреев уже прокатились по этим местам. Большая часть населения гетто Незвижа решила оказать немцам вооруженное сопротивление. Утром 21 июля к воротам гетто подъехала немецкая айнзатц-группа, и командир группы потребовал, как обычно, чтобы все евреи немедленно собрались на площади, немцы вывезут их из города. Люди теперь знали, что это означает - скорый и беспощадный расстрел. Решив, что лучше умереть в борьбе, чем покорно, представители Совета гетто отказались выполнить приказ немцев. Шалом Холавский, руководивший в тот день вооруженным сопротивлением, вспоминал, как развивались события далее. Немцы открыли огонь. Неожиданно отряд бойцов из синагоги ответил залпом из ружей и пистолетов. Немцы ворвались в гетто. Евреи встречали их с ножами и стальными прутами в руках. Завязался неравный бой, улицы заполнили тела убитых и раненных. Как было решено заранее, евреи подожгли свои дома, чтобы под прикрытием дыма и огня получить шанс вырваться из гетто. Хаос и неразбериха охватили весь центр города.

Не заставили себя ждать и соседи: толпы крестьян и горожан устремились в гетто, врвались в горящие дома, хватали еще уцелевшее еврейское имущество: одежду, лампы, посуду... Бешенные от ярости немцы расстреливали каждого еврея, кто пытался выбежать из пылавшего гетто. Холавский и два других бойца скрывались в мансарде одного дома, выжидая благоприятного момента для бегства. Из окна они хорошо видели, как толпы людей, чьи руки были заняты награбленными вещами, прыгали и радостно орали при каждом удачном немецком выстреле, неважно, кто оказывался убитым - мужчина, женщина, ребенок.

Наконец, Холавский и его друзья вырвались из гетто и побежали через поле к спасительному лесу. Холавский увидел, как из гетто выбежал Симха Роцен, с завернутым в подушку маленьким сыном на руках. Пробегая мимо крестьянки, стоявшей у ворот и наблюдавшей всю эту сцену, Симха сунул ей в руки узел с ребенком и побежал дальше к лесу (42).

Преступники, жертвы и зрители, о которых мы говорили раньше, отчетливо видны в сцене, описанной Шаломом Холавским. Преступники представлены айнзатц-командой. Подобные группы по данным немецкой военной статистики уничтожили в общей сложности полтора миллиона евреев на территориях Польши, стран Прибалтики, советских республик. Жертвы - это население гетто, люди, которые делали все, чтобы жертвами не стать: строили планы, молились, сопротивлялись, боролись, умирали и бежали от смерти. Зрители - это нееврейское население Незвижа, которые расхватывали еврейские вещи из горящих

домов, это люди, которые “прыгали и оралы”, когда очередной еврей был застрелен, это, наконец, та крестьянка, которой сунул в руки своего маленького сына Симха Роцен.

Что сделала эта крестьянка с ребенком? Шалом Холавский ничего об этом не говорит: судьба ребенка ему осталась неизвестной. Смогла ли крестьянка спрятать ребенка и считала ли она вообще целесообразным его спасать? Или она решила не вмешиваться и там же, на окраине города, просто положила ребенка на землю, предоставив его участь судьбе? Или она отдала мальчика немецкому солдату и наблюдала, как тот берет ребенка за ноги и разбивает ему голову о стену - так обычно расправлялись нацисты с детьми “еврейских недочеловеков-паразитов”? Мы никогда не узнаем, что произошло на самом деле. Одно достоверно: ребенок Симхи Роцена не выжил бы ни дня без помощи крестьянки.

Миллионы европейцев стояли перед таким же выбором, как и крестьянка из Незвижа, и от их решения зависела жизнь миллионов людей. Праведники мира видели для себя единственно возможный выбор - сделать все, что можно, для спасения человека. И спасая одну жизнь, они спасали целый мир, ибо давно было сказано: “праведник - основа Вселенной” (43).

Использованная литература

Encyclopedia of the Holocaust. New York 1990.

Encyclopedia Judaica. Jerusalem 1972.

David P. Gushee. Die Gerechten des Holocaust. Wueppertal und Lutherstadt Wittenberg 1997.

Rolf Rendtorff. Ist in Auschwitz das Christentum gestorben?. In: Rolf Rendtorff. Christen und Juden heute. Neukirchener 1998.

Eliezer Berkovitz. Fairth after the Holocaust. New York 1973.

Евгений Беркович. Христос в Освенциме, “Русская мысль”, N. 4215, 26 марта - 1 апреля 1998 года. См. также книгу: Евгений Беркович. Заметки по еврейской истории. Москва 2000.

Raul Hilberg. Perpertrators, Victims, Bystander. New York 1992.

Евгений Беркович. Можно ли христианину мыться в бане с евреем? Христианско-иудейский диалог вчера и сегодня. Независимый бостонский альманах “Лебедь”, номер 202, 2001.

Хелен П. Фрай (составитель). Христианско-иудейский диалог. Хрестоматия. Москва 1998

Евгений Беркович. Грех антисемитизма. В книге: Евгений Беркович. Заметки по еврейской истории. Москва 2000.

Герман Раушнинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. “Миф”, Москва 1993.

Samuel P. Oliner, Pearl M. Oliner. The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe, New York 1988.

Martin Gilbert. The Holocaust. New York 1985.

Yehuda Bauer. The Holocaust in Historical Perspective. New York 1982.

Dov Levin. On the Relations Between the Baltic Peoples and Their Jewish Neighbours before, during and after World War II. In: Holocaust und Genocide Studies, 5, Nr 1(1990).

Евгений Беркович. Слово и дело. В книге: Евгений Беркович. Заметки по еврейской истории. Москва 2000.

Евгений Беркович. Семейный портрет в историческом интерьере. Независимый бостонский альманах “Лебедь”, 2000.

Евгений Беркович. Женский бунт на улице Роз. “Вестник”, 14(247), 2000.

Peter Hellman. Avenue of the Righteous. New York 1980.

V.A. Sijes. Several Observations concerning the Position of Jews in Occupied Holland during World War II. In: Yisrael Gutman, Efraim Zuroff, Hrsg, Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem 1974.

Leonard Gross. The Last Jews in Berlin. New York 1992.

Edward Lynne. Brave Lady from Holland. Jewish Observer and Middle East Review, 16, Nr. 16 (21 April 1967).

Евгений Беркович. Америка и Холокост. “Круг”, номер 1(51), Кельн 2001.

David Kranzler. How 18000 Jews Surved the Holocaust While Europe Burned. Jewish Life, Bd. 1 (new Serie), 1975.

Henry Huttenbach. The Emigation of Jews from Worms (November 1938 - Oktober 1941): Hopes and Plans. In: Yisrael Gutman, Efraim Zuroff, Hrsg, Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem 1974.

Stewen Bowman. Jews in Wartime Greece. Jewish Social Studies, 48, Nr.1, 1986.

Евгений Беркович. Банальность добра. Как итальянские фашисты спасали евреев. В книге: Евгений Беркович. Заметки по еврейской истории. Москва 2000.

Fernande Le Boucher. The Incredible Mission of Father Benoit. New York 1969.

Moshe Bejski. The Righteous among the Nations and Their Part in the Rescue of Jews. In: Yisrael Gutman, Efraim Zufoff, Hrsg, Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem 1974.

Poul Borchsenius. The Rescue of the Danish Jews. In: “Jewish Spectator” 34, Nr. 6, 1969.

Hanna Arendt. Eichman in Jerusalem. Muenchen 1990.

Евгений Беркович. История Вильгельма Бахнера - еврейского Оскара Шиндлера. В книге: Евгений Беркович. Заметки по еврейской истории. Москва 2000.

Felix Kanabus. Address at the J.N.F. In: Jacob Glatstein, Hrsg. Antology of Holocaust Literature. New York 1969.

Philip Friedman. Their Brothers' Keepers. New York 1978.

Arieh Bauminger. The Righteous. Jerusalem 1983.

Anne Frank. The Diary of Young Girl. New York 1967.

Corrie ten Boom. The Hiding Place. New York 1971.

Jacqueline Wolf. Take care of Josette. New York 1981.

Nechama Tec. When Light Pierced the Darkness. New York 1986.

Lucien Steinberg. Jewish Rescue Activities in Belgium and France. In: Yisrael Gutman, Efraim Zufoff, Hrsg, Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem 1974.

Michael Halperin. He Who Saves One Life. Moment 6, Nr. 7, 1981.

Shalom Cholawski. Soldiers from the Ghetto. San Diego 1980.

Евгений Беркович. Когда на небе не бывает радуги. Праведник - основа Вселенной. В книге: Евгений Беркович. Заметки по еврейской истории. Москва 2000.

Евгений Беркович